

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

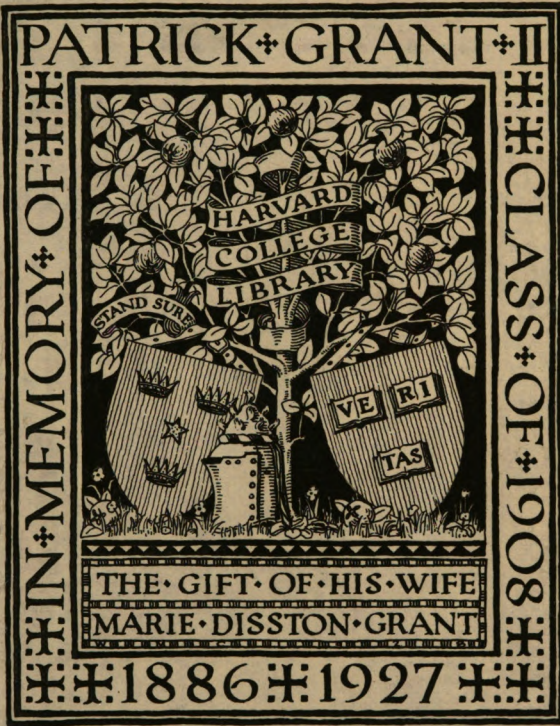
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Slav 3240. 11

ОЧЕРКИ НАРОДНАГО БЫТА

(Изъ этнографической экскурси 1901 г. по Ахтырскому уѣзду Харьковской губерніи).

Профессора

Н. О. Сумцова.

ХАРЬКОВЪ.

Типо-Литографія «Печатное Дѣло» Кн. К. Н. Гагарина, Клочковская—5.
1902.

Slav 3240.11
✓

Grant fund

Отдѣльные оттиски изъ Сборника Историко-Филологическаго Общества.
Томъ 13. 1902 годъ.

(Приложеніе къ протоколу засѣданія Харьковскаго предварительнаго
Комитета по устройству XII археологическаго съезда 13 іюня 1902 года).

Изъ этнографическихъ экскурсій.

Предисловіе.

По порученію предварительнаго комитета XII археологическаго съѣзда я предпринялъ нѣсколько поѣздокъ по Ахтырскому уѣзду съ цѣлью собрать матеріалы для этнографической выставки.

Этнографія—область широкая. Всѣ формы народной и общественной жизни заслуживаютъ вниманія и изученія; но такъ какъ для всеобщаго широкаго обхвата нужны большое время и большія средства, то, волей—неволей, приходится дѣлать выборъ. Принимая во вниманіе господствующій археологическій интересъ, я выискивалъ преимущественно такія мѣстности, гдѣ рассчитывалъ найти наиболѣе остатковъ бытовой старины, и такіе предметы, которые вышли или выходятъ изъ народнаго употребленія. Одновременно я стремился представить данныя современнаго народнаго быта, чтобы старое и новое шли рядомъ и одно другое взаимно поясняло. Въ такомъ направленіи составлено нѣсколько сравнительныхъ параллельныхъ коллекцій.

Мои матеріалы распадаются на предметы и наблюденія. Первые, собранные для этнографической выставки, будутъ представлены съ объясненіями въ предварительный комитетъ. Вторыя относятся къ социально-экономическимъ явленіямъ народнаго быта и не могутъ быть экспонированы, такъ какъ въ большинствѣ представляютъ путевыя замѣтки по личнымъ наблюденіямъ безъ претензій на полноту содержанія или непогрѣшимость въ истолкованіи явленій народной жизни. Предварительно я долженъ выразить чувство искренней благодарности тѣмъ лицамъ, которыя помогали мнѣ въ собраніи этнографическихъ матеріаловъ. Такихъ лицъ было много—земскіе врачи, священники, учительницы. Вездѣ я находилъ милыхъ, ласковыхъ и отзывчивыхъ людей, которые оказывали мнѣ гостепріимство, брали на себя порученія и заказы. Безъ ихъ просвѣщеннаго содѣйствія я во многихъ случаяхъ оказался бы въ безпомощномъ положеніи. Народу нѣтъ ни малѣйшаго дѣла ни къ археологіи, ни къ этнографіи. Все идетъ у него своимъ чередомъ; все течетъ въ свое

время, своей обычной колеей. Заберется, положимъ, заѣзжій этнографъ въ село. Никого онъ не знаетъ, и его никто не знаетъ. Въ такихъ случаяхъ личное участіе и посредничество отдѣльныхъ лицъ изъ мѣстныхъ жителей получаютъ большое значеніе и большую цѣну. Съ ихъ помощью, при ихъ содѣйствіи можно проникнуть въ глубь народной жизни, розыскать свѣдущихъ людей изъ крестьянъ, опросить, сдѣлать заказы. Какъ ни бѣдны наши провинціальныя захолустья интеллигентными людьми, но, къ счастью, такіе есть; встрѣчаются они во всѣхъ сословіяхъ, въ разныхъ служебныхъ и общественныхъ положеніяхъ, и личное знакомство съ ними часто бываетъ весьма поучительнымъ, въ смыслѣ ознакомленія съ людьми и краемъ.

Отношеніе крестьянъ къ этнографическимъ розысканіямъ исполнено подозрѣній и недоразумѣній. Въ интересахъ дѣла необходимо соблюдать съ ними большую осторожность и осмотрительность. Въ сущности, крестьяне правы въ тѣхъ случаяхъ, когда высказываютъ нерасположеніе къ вторженію постороннихъ лицъ въ ихъ бытовую обстановку. При нѣкоторыхъ условіяхъ изученія, на примѣръ, при фотографированіи двора, жилища, со стороны интеллигентовъ, вѣроятно, было бы болѣе противодѣйствія, чѣмъ со стороны крестьянъ. Но крестьяне въ своей подозрительности заходятъ иногда слишкомъ далеко, и нѣкоторыя ихъ опасенія и подозрѣнія трудно заранѣе предусмотрѣть. Такъ, въ одномъ великорусскомъ селѣ крестьяне очень враждебно отнеслись къ той женщинѣ, которая по нашему заказу приготовила намъ мѣстные женскіе костюмы, оригинальные по формѣ и богатые по украшеніямъ. Любопытно, что мотивомъ тутъ было опасеніе новаго обложенія: узнаютъ, тамъ, въ городѣ, что наши бабы такъ щеголяютъ, и прибавятъ податей. Въ другомъ малорусскомъ селѣ, при фотографированіи на ярмаркѣ группы, одна пожилая женщина закрыла лицо платкомъ изъ опасенія сглаза. При опросахъ относительно кургановъ и городищъ у крестьянъ, очевидно, пробивается подозрѣніе въ желаніи раздобыть клады, которые рисуются въ народномъ воображеніи въ самыхъ фантастическихъ формахъ.

Нужно, впрочемъ, оговорить, что и среди крестьянъ можно найти весьма полезныхъ помощниковъ и сотрудниковъ на почвѣ личнаго довѣрія и расположенія. Не углубляясь въ значеніе и цѣли изслѣдованія, такіе люди легко идутъ по проторенной для нихъ дорожкѣ за личностью изслѣдователя.

Предлагаемые вниманію читателя путевыя замѣтки и этнографическіе очерки первоначально печатались, по мѣрѣ накопленія, въ «Южномъ Краѣ» 1901 и 1902 г.г. Въ настоящемъ отдѣльномъ изданіи они дополнены и распределены въ другомъ болѣе систематическомъ порядкѣ.

I.

Дорожныя замѣтки. Старинный шляхъ Сагайдакъ и ближайшіе къ нему курганы.

Ахтырскій уѣздъ въ разныхъ направленіяхъ изрѣзанъ почтовыми дорогами, или шляхами, на Харьковъ, Сумы, Лебединъ, Краснополье, Котельву. Всѣ они на одинъ ладъ, шириной въ 30 сажень, съ канавами по обѣимъ сторонамъ. Кромѣ того, идутъ еще транспортныя дороги на Полтаву, на Пожню и др., болѣе узкія, въ 10 саж. шир., безъ канавъ. Еще уже многочисленныя проселочныя дорожки, извивающіяся по полямъ и лѣсамъ, мѣстами перекопанныя, съ искусственными ямками, такъ называемыми, «кипцами», ограждающими надѣлы отъ проѣзда. При крайнемъ малоземельѣ крестьяне стали, гдѣ только возможно, урѣзывать дороги, и мѣстами впахались въ самые шляхи.

Отъ шляховъ вѣетъ нынѣ стариной. Пустынно тянутся они широкими зелеными лентами. Кое-гдѣ ихъ еще сторожатъ полузасохшіе великаны-деревья, остатокъ отъ бывшаго нѣкогда обязательнаго обсаживанія проѣзжихъ дорогъ. Ахтырскіе, лебединскіе и сумскіе шляхи съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ заглохли. Пользуются ими теперь большей частью лишь для прогона скота и овецъ, которымъ тутъ дается ночлеги и попасъ.

Мѣстами поднимаются кресты надъ одинокими чумацкими могилами. Такъ, на пути изъ Тростянца въ Боромлю, въ 8 верстахъ отъ послѣдняго села, стоитъ подъ лѣсомъ дубовая тумба съ вырѣзаннымъ крестомъ, какъ говорятъ, надъ могилой чумака изъ Котельвы. Кругомъ тишина и молчаніе. Невольно припоминается старинная малорусская пѣсня о смерти чумака, въ которой умирающій обращается къ своимъ товарищамъ съ такой просьбой о погребеніи:

Ой вы, чумаченьки, ой вы, молоденьки,
Ой вы, люде на все гожи,
Ой побудуйте мени молодому,
Домовыну зъ роγοжи...

Гробъ изъ роγοжи, потому что для умершаго въ дорогѣ чумака деревяннаго гроба нельзя было достать, особенно въ глухихъ степяхъ.

Послѣднія мысли умирающаго чумака несутся къ дорогой родинѣ и семьѣ:

Якъ буде зъ васъ который, братця,
Въ свой стороньци,
Поклоньтєся отцу—неньци
И мой дивчиньци...

На границѣ Ахтырскаго и Лебединскаго уѣздовъ вьется старинная дорожка Сагайдакъ. Желѣзнодорожная станція Боромля стоитъ на этомъ пути. Если отправиться отъ этой станціи по Сагайдаку на сѣверъ, то, по указаніямъ мѣстнаго населенія, можно пробраться къ Бѣлгороду, а подвигаясь въ другую сторону на югъ, можно спуститься къ Зенькову и Полтавѣ. Жаль, что предположеніе харьковскаго предварительнаго комитета XII археологическаго сѣзда объ изслѣдованіи старинныхъ шляховъ не могло осуществиться по недостатку средствъ; вѣроятно, и Сагайдакъ попалъ бы въ кругъ научныхъ изученій и, по всей вѣроятности, не остался въ долгу. Мѣстные крестьяне, въ особенности старики, еще знаютъ его направленіе и могутъ сообщить кое-какія съ нимъ связанныя историческія преданія. По Сагайдаку стоитъ еще много таинственныхъ кургановъ, валовъ и укрѣпленій, которые могутъ повѣдать о той старинѣ, когда двѣ разорванныхъ Руси—московская и литовская—сообщались между собой по Сагайдаку и когда на немъ еще разгуливали непрощенные гости—крымскіе татары.

Старинные шляхи избирались и прокладывались опытными, бывалыми людьми. Рѣки, лѣса, переходы—все было принято во вниманіе. Сагайдакъ шель густыми лѣсами, нынѣ вырубленными, по высокимъ мѣстамъ, съ далекими горизонтами, вдали отъ рѣкъ, вдали отъ селъ и городовъ. И въ настоящее время, при современной густотѣ населенія, села лежатъ въ сторонѣ отъ Сагайдака, должно быть по причинѣ его безводія.

Не преслѣдуя археологическихъ цѣлей, я проѣхалъ по Сагайдаку лишь небольшое пространство, верстъ десять къ югу и къ сѣверу отъ желѣзнодорожной станціи. Шляхъ здѣсь неширокій, уже почтового, вьется по высокой, нагорной, живописной мѣстности; тамъ и сямъ поднимаются искусственныя насыпи, должно быть остатки отъ сторожевыхъ кургановъ. Въ одномъ мѣстѣ, вблизи хутора Гудыма, замѣтны слѣды какой-то старой постройки, какъ говорятъ, бывшаго разбойничьяго притона. Вблизи этого мѣста открываются далекіе живописные горизонты, съ бѣлѣющими въ отдаленіи корпусами сахарныхъ заводовъ, съ золотыми маковками сумскихъ церквей.

Вблизи другого хутора къ югу отъ станціи, найдена была серебряная чарка и нѣсколько монетъ съ именной помѣтой польскаго короля Сигизмунда III (1587—1632).

Крестьяне слободы Боромли, корчевавшіе лѣсъ при желѣзно-дорожной станціи у хутора Гудыма, передавали мнѣ, что ими найдена была подъ корнемъ толстаго въ два обхвата дуба сабля ровная и длинная съ лезвіемъ внизу, съ изогнутымъ внизъ концомъ. Ручка истлѣла, сохра-

нился только металлическій узкій остовъ съ слѣдами прикрѣпленій деревянной ручки. Сабля эта была передана мѣстному землевладѣльцу г. Могилеву.

При археологическомъ изученіи Сагайдака необходимо принять во вниманіе находящіяся вблизи курганы. Я подсчиталъ ихъ отчасти въ предѣлахъ Ахтырскаго уѣзда, вблизи станціи и въ сосѣднихъ мѣстахъ верстахъ въ пяти или шести растоянія. Нѣкоторые курганы мной осмотрѣны, о другихъ сообщаю со словъ крестьянъ *), при чемъ попутно привожу и связанныя съ курганами преданія и повѣрья, имѣющія этнографическій интересъ.

Въ концѣ владѣній крестьянъ с. Бѣлки, на границѣ Лебединскаго уѣзда, находится Цапова могила, вблизи которой, по мѣстному народному преданію, была битва русскихъ со шведами. Съ одной стороны курганъ сливается съ материкомъ, а съ трехъ—поднимается отвѣсно. Существуетъ преданіе, что здѣсь было укрѣпленіе. Въ разное время крестьяне находили здѣсь крупные черепки, изразцы и шары изъ камня. По истолкованію крестьянъ, шары эти служили нѣкогда ядрами для пушекъ.

Вблизи Сагайдака, въ 5 верстахъ отъ слободы Боромли, по Лебединской дорогѣ, находится группа кургановъ, изъ которыхъ одинъ большой называется Гостра могыла. Въ недалекомъ разстояніи между Сумской и Лебединской линіями находится курганъ—Каменка.

На границѣ Сумскаго уѣзда къ Сагайдаку подходитъ Мосьпанова могила и по сосѣдству еще три большихъ кургана, съ ямами, повидимому, военно-сторожевого значенія. Вблизи, за урочищемъ Музыкой два кургана.

По величинѣ выдается Гузева могила, верстахъ въ шести отъ Боромли, группа кургановъ—одинъ большой и при немъ шесть малыхъ, нынѣ еле замѣтныхъ; всѣ идутъ нынѣ въ распашку. Мѣстность, гдѣ стоятъ курганы, очень высокая. Съ вершины большого кургана открываются далекіе горизонты. По словамъ стариковъ-очевидцевъ, на большомъ курганѣ лѣтъ 30 или 40 назадъ еще стоялъ высокій шестъ, должно быть, остатокъ стариннаго сторожевого поста.

Къ сѣв.-западу отъ Боромли, въ 5 или 6 верстахъ, вблизи трехъ расходящихся дорогъ, стоитъ курганъ средней величины безъ названія.

Къ югу, верстахъ въ 8, подъ Родительскимъ лѣсомъ находится большой курганъ, о которомъ ходитъ баснословный разсказъ, какъ по ночамъ изъ могилы выходитъ всадникъ и до утра ѣздитъ къ шляху и обратно. Другіе говорятъ о зарытыхъ въ этомъ курганѣ деньгахъ; кто

*) Опросъ крестьянъ былъ не единоличный, а, для большей достовѣрности, групповой, т. е. я приглашалъ сразу человекъ 5 стариковъ и записывалъ только то, что не вызывало разногласій или сомнѣній.

Примѣч. авт.

находили ихъ, чувствовалъ помутнѣніе разсудка и спѣшилъ отнести назадъ. Вблизи этого кургана находится Киселева могила изъ двухъ кургановъ,—большого и маленькаго.

Подъ самой слободой Боромлей, съ разныхъ сторонъ, на разстояніи одной версты, разбросаны многочисленныя, нынѣ совсѣмъ исчезающіе, курганы. На С.-З. находятся Воликовы могилки. Всѣ они распахиваются и ежегодно понижаются. Два кургана еще замѣтны; но другіе уже распаханы. По однимъ преданіямъ, въ этихъ курганахъ зарыты пропавшіе въ дорогѣ вола, — преданіе, очевидно, несостоятельное, созданное по этимологическому толкованію. Надъ волами такихъ большихъ холмовъ не насыпаютъ. Другое преданіе, также сомнительное, приписываетъ эти могилы шведамъ.

Къ западу надъ урочищемъ Алещенковымъ находится небольшая могила, на которой, по словамъ крестьянъ, „часто марыть“. Въ большомъ ходу рассказы о привидѣніяхъ, бывшихъ на этомъ курганѣ. Одинъ почтенный старикъ увѣрялъ меня, что онъ самъ ночью видѣлъ на вершинѣ кургана бѣлую человѣческую фигуру. Другой, со словъ какой то старухи, увѣряетъ, что заклятый кладъ по временамъ даетъ о себѣ знать въ видѣ хлѣба и свѣчи. А разъ зайдетъ рѣчь о кладахъ, остается только слушать и не высказывать сомнѣній. Возразить что нибудь—значить обидѣть рассказчика. Впрочемъ, въ народныхъ рассказахъ о кладахъ не все измышлено. Клады дѣйствительно иногда встрѣчаются; но далеко не въ такомъ количествѣ, какъ думаютъ крестьяне, и безъ тѣхъ волшебныхъ аксессуаровъ, какими любятъ пробавляться простонародная фантазія.

Два круглыхъ кургана находятся подъ слободой Боромлей за Біями, по дорогѣ въ Криничное. Въ каждомъ курганѣ посрединѣ глубокая яма. Величина этихъ кургановъ, по валу вокругъ ямы, около 25 саж. Подобныя кольцообразныя курганы находятся подъ слободой Жигайловкой и на дорогѣ изъ Краснополя въ Рясное.

Вблизи Боромли, кромѣ кургановъ, встрѣчаются еще мѣстами другіе загадочныя остатки старины. Такъ, въ двухъ ярахъ, въ углѣ Розсоховатаго яра, выше Карнауховскаго хутора и по склонамъ яра подъ Лисицей встрѣчаются жерновые камни и глиняныя черепки въ мелкихъ разбитыхъ частяхъ. Урочище Лисица—длинная сѣнокосная долина среди изрѣзанныхъ оврагами холмовъ. Вблизи мѣста нахождения черепковъ нѣтъ ничего, что говорило бы о недавнемъ жильѣ.

Среди крестьянъ, казаковъ стараго времени, не сохранилось никакихъ слѣдовъ старины. Казацкая одежда давнымъ-давно пошла въ могилы вмѣстѣ съ стариками. Казацкое оружіе было передѣлано и приспособлено къ мирнымъ земледѣльческимъ занятіямъ.

II.

Ахтырщина.

Узкой, длинной полосой протянулся Ахтырскій уѣздъ отъ Курской до Полтавской губерніи. Сѣверная часть уѣзда холмистая, южная — степная. И та, и другая изобилуютъ живописными мѣстами. Особенно много красивыхъ уголковъ по Ворсклѣ. Большая часть сѣвернаго холмистаго участка лежитъ на водораздѣлѣ между Псломою и Ворсклою. Здѣсь села рельефно выступаютъ по склонамъ холмовъ, живописно спускаются въ балки, мѣстами лѣплятся по краямъ обширныхъ овраговъ. Тамъ и сямъ раскрываются широкіе горизонты, окаймленные перелѣсками, съ бѣлѣющими вдали церковными колокольнями. Большая часть южнаго степнаго участка разстилается широкой зеленой скатертью, которая лишь мѣстами затѣнена лѣсами. Лучшая центральная часть уѣзда изрѣзана изгибами Ворсклы, сагами и лугами нѣжныхъ ласкающихъ очертаній.

Нащо далеко йти,—

спрашиваетъ мѣстный малорусскій поэтъ, ахтырскій уроженецъ Я. И. Щоголевъ,

Щобъ за кордонами знайти
Красы чужої намъ природы,
Высоки горы, чисти воды...
Колы промижъ крайниць родины
Свої мы маємо красы
Въ чаривній природи України...

Въ другомъ стихотвореніи Щоголевъ добавляетъ:

Крышталево Ворскло, лугами повите,
Одвіку зелеными горами вкритые,
Найкабщая стежка Днипра...

Всеобщее оскудѣніе захватило и хрустальную Ворсклу. Рѣка обмѣлѣла и мѣстами еле струится среди песковъ. Въ одномъ изъ лучшихъ стихотвореній Я. И. Щоголева «Клыментовы млыны» такъ описано живописное мѣсто Ворсклы въ десяти верстахъ отъ Ахтырки:

Колы пойдешъ навпростецъ,
Зъ Ахтырки писками важкымы,
Черезъ Гусынку въ Тростянець
То вбачишь бирь...

И теперь стоитъ этотъ боръ, по выѣздѣ изъ Ахтырки черезъ предмѣстье Гусинку почтовымъ трактомъ въ Тростянець, отстоящій отъ Ахтырки въ 17-ти верстахъ.

А бирь стоять, якъ и стоявъ,
Стоить—никуда не двинется,
И мохъ коринья посновавъ,
И якъ лылося, Ворскло льется.
На ему ще зъ старовыны,
Упершы въ дно свою державу,
Гудуть Клыментовы млыны
И лито, и зиму безугаву...

Стихи эти написаны въ 1888 г.; прошло всего 14 лѣтъ, а борь ужъ не стоять такъ, какъ стоялъ прежде,—рука человѣческая вырѣзала въ немъ крупныя клѣтки, и Ворскла не такъ ужъ льется, какъ лилась прежде, а уже и медленнѣе, и Клыментовы млыны въ прошлое засушливое лѣто не могли «безугаву» работать на всѣ свои шесть обширныхъ колесъ. Неизмѣнными остались лишь одни «важки писки», какъ очевидное свидѣтельство культурной неподвижности. Производительныя силы природы оскудѣли, а непродовольныя стоятъ нерушимо. И теперь Ахтырщина еще привлекательна по красотѣ мѣстоположеній, по общему патріархальному виду; но если присмотрѣться къ ней внимательно, то начинаютъ выдѣляться темныя стороны культурнаго застоя, бѣдность жизненныхъ запросовъ, мѣстами почти полное отсутствіе организованнаго общественнаго благосостоянія.

Взамѣнъ быстро оскудѣвающихъ природныхъ и народныхъ силъ и средствъ всплываютъ лишь крохи экономической или соціальной культуры, въ видѣ полуиноземныхъ колониальныхъ оазисовъ, съ шоссированными дорогами, бдительнымъ надзоромъ, съ рациональнымъ хозяйствомъ и лѣсо-разведеніемъ. Держатся эти благоустроенные оазисы подъ защитой высокихъ заводскихъ трубъ, въ свою очередь огражденныхъ и закрѣпленныхъ внѣшними могущественными протекціями, а въ ближайшемъ сосѣдствѣ уже начинаются всевозможныя оскудѣнія—истощенныя поля, вырубленные лѣса, обмѣлѣвшія рѣки, высохшіе пруды, дешевенькіе ситцы, вмѣсто старинныхъ плотныхъ самодѣлковыхъ плахтъ, хилый скоть, хилыя лошадки.

Ш.

Ахтырка.

Шестьдесятъ два года назадъ профессоръ И. И. Срезневскій, посѣтивъ Ахтырку, писалъ своей матери: «Миленькій городъ, украшенный во всю длину (семи верстъ) двѣнадцатью (?) церквями, весь въ садахъ. Есть хорошенькіе домики, есть прекрасная площадь, довольно порядочный гостинный дворъ»... Въ другомъ письмѣ, черезъ недѣлю, Срезневскій

къ такой лестной характеристикѣ Ахтырки добавляетъ еще нѣсколько похвалъ: «Какъ прекрасно жить въ Ахтыркѣ! Превосходный соборъ для молитвы, прекрасный климатъ! Тысячи за три можно купить домикъ довольно хорошенькій съ большимъ мѣстомъ. Припасы всѣ дешевы. Знакомства, правда, нельзя имѣть со многими, не стоитъ; но семейства два можно найти. И какъ все тихо, городъ и деревня!» *).

Въ настоящее время Ахтырка производитъ также пріятное впечатлѣніе и можетъ съ правомъ удержать за собой данное ей Срезневскимъ названіе «миленькаго города». Городъ утонаетъ въ зелени садовъ и большихъ кучерявыхъ вербъ. Сельская патриархальная простота соединяется съ удобствами цивилизованной городской жизни. Есть освѣщеніе, хотя и не особенно обильное, приступлено къ замощенію центральной улицы, возникло нѣсколько новыхъ симпатичныхъ образовательныхъ учреждений. Въ городѣ много садовъ, много зелени. Общій видъ веселый и уютный. На главной площади, достаточно широкой и открытой, находятся три главныхъ храма, въ томъ числѣ большой по размѣрамъ и красивый по архитектурѣ Покровскій соборъ. Срезневскій въ письмѣ къ матери 1839 г. замѣчаетъ: «Всего прекраснѣе соборъ Покрова, въ которомъ находится чудотворная икона Ахтырской Божіей Матери, соборъ, въ самомъ дѣлѣ прекрасный, величественный. Снаружи нельзя не любоваться его куполомъ съ главою въ 14 аршинъ вышины... Нельзя не любоваться его колокольней, легкой, изящной архитектуры. Самый дворъ прекрасенъ, очень великъ, поросъ травою и деревьями и обнесенъ хорошей рѣшеткой». Позднѣе, въ 1857 г., подробное, дѣловое описаніе Покровскаго храма далъ архіепископъ Филаретъ въ «Историко-статистическомъ описаніи харьковской епархіи». Храмъ построенъ по плану знаменитаго архитектора Растрелли въ 1768 г. Въ оградѣ Покровскаго храма находится небольшой каменный храмъ во имя Рождества Христова. Здѣсь въ главномъ алтарѣ, за престоломъ, находятся три картины кисти Мурильо—даръ графини Чернышевой. Картины освѣщены плохо и отъ времени такъ почернѣли, что нынѣ едва можно рассмотретьъ.

Въ Ахтыркѣ много хорошихъ храмовъ, которые легко осмотрѣть, такъ какъ въ большинствѣ они растянута въ рядъ вдоль главной проезжей улицы. Странное впечатлѣніе по архитектурѣ производитъ лишь одна новая церковь на Гусынкѣ. Сначала выдѣляется какое-то многооконное и многобашенное красное зданіе вродѣ индійской пагоды, затѣмъ, ближе вырисовываются высокіе, тонкіе, черные кресты, заставляющіе предполагать въ приходской церкви кладбищенскую. Все пестро, крикливо,

*) «Кіевск. Старина» 1901, августъ, 242, 246.

рѣжетъ глаза и не располагаетъ къ молитвенному настроенію. Средства, очевидно, затрачены не малыя. Вышніе недостатки выступаютъ тѣмъ болѣе, что храмъ совсѣмъ новый, только что отстроенный, и что ближайшій къ нему слѣдующій Петро-Павловскій храмъ отличается хорошей художественной простотой и выдержанностью архитектурнаго стиля. Вблизи новаго храма, въ оградкѣ, среди деревьевъ, стоитъ упраздненная деревянная церковь, маленькая, старая, съ потемнѣвшими ликами; при всемъ томъ эта полуразвалина даетъ болѣе духовнаго настроенія, чѣмъ подавляющая ее современная архитектурная пагода. Внутри новая церковь большая и свѣтлая, но холодная и пустынная. Мало иконъ, мало священныхъ изображеній; данныя изображенія малы по размѣрамъ. Иконостасъ и иконы работы мѣстныхъ художниковъ; рѣзной, деревянный иконостасъ производитъ пріятное впечатлѣніе. Что касается живописи, то тутъ не безъ недочетовъ, и довольно крупныхъ. Слабое впечатлѣніе, напримѣръ, производитъ запрестольный образъ «Моленіе о чашѣ». Есть прекрасная картина Бруни на эту тему, представляющая нынѣ одно изъ украшеній русскаго музея Императора Александра III въ Петербургѣ. Въ картинѣ Бруни всего одно лицо; по это образъ глубокой экспрессіи. Во взглядѣ колѣнопреклоненнаго предъ чашей Христа, въ его фигурѣ, въ чарующемъ мягкомъ освѣщеніи выражено такое духовное богатство, которое приковываетъ къ себѣ зрителя и оставляетъ неизгладимое впечатлѣніе. Картина пользуется огромною популярностью. Есть тысячи копій, снимковъ и подражаній. Въ сельскихъ церквахъ очень часто встрѣчаются копии съ этой картины. Хорошую копию мы видѣли въ церкви села Великаго Бобрика, Сумскаго уѣзда. Чаша еле виднѣется въ легкомъ освѣщеніи; въ картинѣ затѣмъ видны лишь ликъ и руки молящагося Спасителя и немного верхней одежды. Всякія подробности тутъ не умѣстны; вся сила въ простотѣ и цѣльности одного впечатлѣнія. На Гусынкѣ же все росписано слишкомъ ярко и подробно; позѣ Спасителя придано риторическое, кричащее выраженіе; вниманіе зрителя дробится по мелочамъ.

Изъ ахтырскихъ церквей своеобразную привлекательность имѣетъ старинная Юрьевская церковь. Небольшой чистенькій дворикъ, небольшая, внутри хорошо выкрашенная церковь, съ узкимъ притворомъ «бабинцомъ»; все уютно, чисто, патріархально, въ духѣ простого стараго благочестія.

Въ центрѣ города, вблизи Покровскаго храма, находится небольшой городской садъ, тѣнистый, съ широкими аллеями, съ большой крытой бѣсѣдкой въ центрѣ. Въ дѣлѣ устроенія этого уютнаго уголка, какъ говорятъ, много хлопоталъ исправникъ Коровинъ, бывшій впоследствии полиціймейстеромъ въ Харьковѣ.

Изъ просвѣтительныхъ учреждений выдѣляются недавно устроенныя большое сельское училище, при которомъ находится тѣнистый тутовый садъ, и рядомъ большое ремесленное училище имени Императора Александра II. Заглянувъ въ него проѣздомъ, мы нашли въ немъ два отдѣленія—столярное съ 12-ю учениками и кузнечно-слесарное съ 28-ю учениками, съ разными соотвѣтствующими пособиями и приспособленіями для производства работъ.

Лучшая часть города—обширная центральная площадь—содержится нечисто. Тутъ многое можно сдѣлать для украшенія города и удобства населенія. Уже при первомъ поверхностномъ взглядѣ видно, что площадь эта требуетъ мѣстами замощенія, мѣстами засаженія или цвѣтника; ей сильно вредятъ еще какія-то руины, полуразвалившіеся остатки каменнаго фундамента, и кучи базарнаго сора. Грустную картину представляетъ разбитый на площади екверикъ, захудалый, съ плохой растительностью, плохой огорожей. Нигдѣ нѣтъ ни цвѣточка, ни малѣйшихъ слѣдовъ культуры или заботливаго надзора, а между тѣмъ, ахтырская почва благодарная; она, судя по частнымъ садамъ, легко поддается воздѣлыванію. Затѣмъ среди ахтырскихъ обывателей есть любители и знатоки лѣса и сада, дѣятельное участіе которыхъ въ городскомъ благоустройствѣ, навѣрно, принесло бы полезные плоды.

Дворъ Покровскаго храма нынѣ также особенной чистотой не отличается; но тутъ есть вѣское оправданіе. Въ храмѣ лѣтомъ производился большой ремонтъ; ставили печи, клали новые полы; масса матеріала, сваленнаго во дворѣ, естественно, загромоздила и загрязнила дворъ, неудобство, несомнѣнно, временное и легко устранимое.

Во всякомъ случаѣ, при надлежащей заботливости городского управленія, если улучшенія будутъ производиться настойчиво и послѣдовательно, по достаточно обдуманному плану, Ахтырка можетъ закрѣпить за собой данную ей Срезневскимъ лестную аттестацію «миленькаго города».

Со стороны Ахтырка не имѣетъ вида, вслѣдствіе расположенія города на равнинѣ. Лишь съ западной стороны, съ монастырской горы, виденъ весь городъ, со всей его разбросанностью. Множество хуторовъ тянутся во всѣ стороны, подобно длиннымъ хвостамъ. Вездѣ простыя сельскія окраины украинскаго типа; хаты подъ соломенными кровлями выходятъ прямо на улицы, что придаетъ улицамъ веселый, жилой видъ. Въ то время какъ Лебединъ и Богодуховъ предпочитаютъ синьку, Ахтырка—городъ чистой бѣлой крейды. Въ Богодуховѣ и Лебединѣ вездѣ выступаютъ голубыя или синія хаты, въ Ахтыркѣ и во всемъ Ахтырскомъ уѣздѣ только бѣлыя. Излюбленный внѣшній типъ ахтырской хаты

такой: «причилокъ» на улицу выходитъ двумя окнами со ставнями; тѣ и другія окрашены въ коричневый или желтый цвѣтъ; «призба» вымазана желтой охрой. Задняя «запечная» сторона также выкрашена охрой на половину до коморы. Особенно чисто такой типъ, кромѣ Ахтырки, выдержанъ въ Тростяницѣ. Въ Боромлѣ и Котельвѣ хаты большого размѣра, но нѣтъ уже сплошной выдержанной окраски. Въ частности охра не имѣетъ уже такого широкого примѣненія. Въ Боромлѣ, напримѣръ, окна и запечная сторона остаются всегда бѣлыми. Кромѣ того, Боромля и въ особенности Котельва выдвигаютъ на улицу одни тыны. Въ Боромлѣ мѣстами хаты еще выходятъ на улицу или, какъ наблюдается по главной улицѣ (шляху), въ тынахъ передъ хатами дѣлается вырѣзка до оконъ, такъ что верхняя часть хаты съ окнами видна съ улицы; но Котельва почти всецѣло скрывается за тынами, что сообщаетъ ея широкимъ улицамъ чрезвычайно пустынный видъ.

Ахтырка безъ окраинъ Мошенки и Гусынки не Ахтырка. Эти окраины придаютъ городу своеобразную національную окраску. Разница между ними значительная; онѣ какъ бы дополняютъ одна другую. Обѣ окраины на низкихъ мѣстахъ; въ отдаленныхъ частяхъ Мошенка совсѣмъ скрывается за тынами и вербами. Мѣста, очевидно, низкія, заливыя; почти къ каждому двору ведетъ длинный переулокъ между тынами. На улицу выходятъ огороды, а постройки скрываются въ глубинѣ двора. Гусынка весело и бодро выходитъ на улицу фасадами всѣхъ своихъ уютныхъ живописныхъ домиковъ. Тутъ еще можно встрѣтить старыя костюмы и старыя обычаи.

IV.

Котельва—«слобода-Левада».

Отъ Ахтырки до Котельвы и Млинокъ, т. е. до самой границы Полтавской губерніи, открывается просторъ, сначала слегка затѣняемый лѣсами и перелѣсками, затѣмъ чистый, безъ лѣса, безъ малѣйшихъ пригорковъ. Открытая, ровная степь уходитъ вдаль на востокъ, въ южныя части Богодуховскаго уѣзда, къ Пархомовкѣ и Колонтаеву.

Отъ Ахтырки на Котельву ведутъ двѣ дороги—одна прямо на Хухру, краткая въ 30 верстѣ, широкая, старымъ чумацкимъ шляхомъ, большей частью песчаная и скучная, другая—въ объѣздъ, верстѣ на 10 длиннѣе, по-надъ Ворсклой, гористая и живописная. Идетъ она мимо Свято-Троицкаго монастыря, черезъ уютную Чернетчину, гористый Рыботень, вблизи древняго Немировскаго городища, и спускается въ пески у села Журавнаго. На пути много роскошныхъ живописныхъ видовъ съ

береговыхъ высотъ на пеструю панораму долины Ворсклы. Сумрачно и величественно вырѣзывается вдали на безлѣсной сѣдлообразной горной вершинѣ Немировское городище; оно выходитъ лицомъ къ Ворсклѣ, но съ дороги не видно рѣки, а виднѣются густыя лѣса по скатамъ горъ. Чтобы подъѣхать къ самому городищу, нужно у Журавнаго свернуть въ сторону версты на двѣ. Мѣстность эта заслуживаетъ вниманія археологовъ. Вблизи, въ песчаныхъ наносахъ, окружающихъ Хухру, находятъ бронзовыя стрѣлы.

Хухра—большое патріархальное украинское село. Среди женщинъ встрѣчается много миловидныхъ лицъ малорусскаго типа. Малодня замужнія женщины носятъ своеобразныя цвѣтныя шелковые очипки, красныя, синіе, лиловые и проч., съ яркой узкой шелковой лентой въ обхватѣ, что придаетъ лицамъ красивое, отчетливое выраженіе. Село глухое; торговли, очевидно, нѣтъ никакой; но, въ общемъ, село производитъ пріятное впечатлѣніе, по постройкѣ и привѣтливости населенія, по открытымъ дворамъ и хатамъ, выходящимъ на улицу.

Въ 18 верстахъ отъ Хухры Котельва—самый населенный пунктъ Ахтырскаго уѣзда, мало уступающій своему уѣздному центру. Въ Ахтыркѣ считается около 25 тысячъ, въ Котельвѣ около 20 тысячъ. Многие уѣздные города не выйдутъ въ Котельву по населенности; но какая пустыньность, однообразіе и скучица! Села не видно, потому что оно лежитъ на ровной, какъ ладонь, мѣстности. Дворовъ и хатъ не видно, потому что хаты стоятъ за тынами; большіе просторные дворы густо заросли травой и деревьями. И людей не видно, потому что тутъ чловѣкъ легко теряется среди широкихъ, длинныхъ и пустынныхъ улицъ. Торговое движеніе ничтожное, а промышленнаго, должно быть, нѣтъ никакого; промышленный прогрессъ обошелъ это старое, казацкое, потомъ чумацкое село. Оттого въ немъ такъ тихо; ни одной заводской трубы. Телеграфа нѣтъ при 20 тысячномъ населеніи! Никто, очевидно, не спѣшитъ. Почта ходитъ всего два раза въ недѣлю; до маленькой Ахтырской вѣтки желѣзной дороги 30 вер. Никакихъ гостиницъ, разумѣется, тутъ нѣтъ; постоялыхъ дворовъ не видно. Мы съ трудомъ розыскали себѣ квартиру и то на земской почтѣ и при непосредственномъ участіи сельскихъ властей.

Пріѣхали мы прямо въ волость въ удобный моментъ, во время сельскаго схода. Сотни крестьянъ наполняли дворъ, толпились на крыльцѣ, сидѣли на заборахъ. Сцена была любопытная, и мы успѣли уловить ее на трехъ фотографическихъ пластинкахъ.

Съ карточки смотрятъ сотни улыбающихся, любопытныхъ лицъ. Котелевская «громада» настроена, очевидно, благодушно; но въ данномъ

случаѣ это благодушіе случайно; вызвано оно неожиданнымъ появленіемъ заѣзжихъ гостей и фотографическимъ аппаратомъ. «Громада» много разъ собирается по очень серьезному дѣлу—по передѣлу земли. Въ такомъ дѣлѣ у крестьянъ всегда всплываетъ много неудовольствій и подозрѣній. Хотя у Котелевцевъ земля вездѣ ровная, безъ бугровъ и овраговъ, но все-таки въ отношеніи плодородности не одинакова; попадаются мѣста плохія, съ супескомъ, и тѣ, которые получаютъ ихъ въ надѣлѣ, размѣтятся, останутся недовольными. И теперь уже замѣтны большія разногласія и большое раздраженіе.

Другая счастливая случайность—мы попали въ село 5 августа, накануне мѣстнаго храмоваго праздника: главный храмъ села, называемый соборомъ, во имя Преображенія, и мы могли быть на церковномъ служеніи и видѣть мѣстное населеніе въ наиболѣе показной праздничной обстановкѣ. Храмъ большой, красивый, содержится замѣчательно чисто, вообще производитъ хорошее впечатлѣніе. Въ церкви есть нѣсколько замѣчательныхъ старинныхъ предметовъ. Особенно выдаются ризы малиноваго бархата; на оплечья золотомъ и серебромъ вышиты изображенія Спасителя и 12 апостоловъ, прекрасной работы, по преданію, подарокъ гетмана Мазепы.

Особенность Котельвы и нѣкоторыхъ ближайшихъ селъ — тыны-варяки изъ бревенъ въ руку толщины. Въ другихъ мѣстахъ Харьковской губерніи такихъ тыновъ, кажется, нѣтъ, и въ самой Котельвѣ они начинаютъ выходить изъ употребленія. Варяки встрѣчаются въ лѣсистыхъ краяхъ Юго-Западнаго края и въ сосѣдней Галиціи. Для Харьковской губерніи варяки—роскошь. По мѣрѣ вздорожанія лѣса, въ Котельвѣ на мѣсто прочныхъ дорогихъ варяковъ выдвигаются дешевенькіе хрупкіе плетни-тыны, такъ что въ настоящее время варяки представляются культурнымъ пережиткомъ, какъ остатокъ стараго лѣсного богатства.

Судя по внѣшности, Котелевцы народъ зажиточный. Простору много. Обильные луга даютъ возможность содержать много скота. Въ прежнее время, сравнительно недавнее, лѣтъ десять назадъ, отводили подъ новые дворы по цѣлой десятинѣ, теперь отводятъ полдесятины—и то хорошо; для Боромлянцевъ, напримѣръ, и треть десятины теперь кажется большой роскошью. Оттого въ Котельвѣ встрѣчаются большіе огороды и и пустыри, вездѣ много левадъ, рощъ и садовъ; оттого тутъ такіе длинныя, безконечныя улицы. Въ пожарномъ отношеніи просторъ представляетъ большія удобства. Хотя въ послѣднее время и наблюдались случаи поджога съ подкидкой угрожающихъ писемъ, но Котелевцы могутъ спать спокойно. И сотнѣ поджигателей не спалить Котельву.

Пожарная команда, повидимому, въ исправности. Моя временная квартира выходила окнами къ пожарному обозу. Въ глухую полночь случился пожаръ. Сначала загудѣлъ колоколь ближайшей церкви, затѣмъ раздался рѣзкій звонокъ у волости, ночные сторожа заколотили отчаянно въ колотушки; подъ окнами поднялся крикъ, гамъ, но прошло нѣсколько минутъ, и задрезжали бочки, зачастилъ на нихъ звонокъ, команда собралась быстро, вскорѣ все снова затихло; по временамъ лишь раздавалась мелкая усыпляющая дробь ближайшаго колотушника.

При большомъ просторѣ Котельва въ пожарномъ отношеніи выигрываетъ еще въ томъ отношеніи, что обзаводится черепичными крышами, благодаря близости черепичнаго завода И. И. Каразина.

На окраинѣ села, въ Барановкѣ, въ урочищѣ Кроликовщинѣ, во дворѣ наслѣдниковъ Томенковыхъ, находится старинная большая могила, въ высоту около 3 саж. и въ окружности около 43 саж. Она покрыта густымъ лѣсомъ—липами, берестами, осинами. Отъ улицы курганъ отдѣленъ небольшимъ заборомъ; у подножія его ютятся дворы крестьянъ. Ближайшая хата находится на разстояніи нѣсколькихъ саженой. Спрашивали мы мѣстныхъ жителей, въ томъ числѣ одного старика, но никто не могъ сообщить ни названія могилы, ни какихъ-либо преданій о ней.

Въ другомъ мѣстѣ Котельвы, почти въ центрѣ селенія, среди заросшихъ вербами дворовъ, черезъ небольшую мѣстную рѣчку перекинуть небольшой, только что отремонтерованный мостъ съ громкимъ названіемъ «Королевскій мість». По общему преданію, черезъ этотъ мостъ шли шведскія войска Карла XII.

Въ слободѣ много богатыхъ крестьянъ. Хаты просторныя, украшены въ изобиліи иконами, лубочными картинами, рушниками, зеркальцами. Часто встрѣчаются фотографіи. Мѣстами наряду съ новыми явленіями, въ родѣ фотографій хозяевъ и ихъ родственниковъ, идутъ украшенія старозавѣтнаго характера. Возьмемъ для примѣра хату крестьянина Луки Гризодуба. Небольшая комната въ 4 окна; стѣны и потолокъ выкрашены синькой въ голубой цвѣтъ. Передній уголь заставленъ многочисленными кіютами иконъ въ фольговыхъ ризахъ. Надъ иконами, подъ потолокомъ, идетъ витушка изъ цвѣтной бумаги. Небольшая варистая печь съ колонками и выступами. Подъ потолокомъ рѣзной сволокъ съ надписью: «Благослови, Господи, домъ сей и всѣхъ живущихъ въ немъ отъ всякаго зла сохрани. 1878». На одной стѣнѣ нѣсколько фотографій, на другой—большіе, въ аршинъ въ діаметрѣ, цвѣтные круги, расписанные какимъ то дьячкомъ, съ разными благочестивыми изображеніями—кресты, чаши и проч. У стѣнъ съ двухъ сторонъ скамьи, съ третьей—большая кровать съ бѣлыми подушками. Внутри все чисто и прибрано.

Такое замкнутое и глухое село, какъ Котельва, очень трудно поддается этнографическому изученію, тѣмъ болѣе, что, при краткости нашего въ немъ пребыванія, мы не успѣли розыскать среди мѣстнаго населенія сотрудинокъ. Пришлось ограничиться исключительно личными разспросами и осмотрами. Кстати, выпалъ базарный день, и мы могли собрать на базарѣ кое-какую поживу, затѣмъ мы объѣхали главныхъ гончаровъ и скринниковъ, приобрѣли нѣсколько мѣстныхъ костюмовъ и сняли нѣсколько фотографій. По части гончарныхъ издѣлій Котельва дала намъ много интереснаго *).

V.

Боромля—слобода «богатая мужинами».

На высокомъ водораздѣлѣ между Пслемъ и Ворсклой, почти на полпути между Ахтыркой и Сумами, лежитъ большая торговая слобода Боромля. Въ половинѣ XVII ст., во время возникновенія села, въ одномъ мѣстѣ, вблизи нынѣшней Троицкой церкви, стоялъ боръ, отъ котораго не осталось ни малѣйшаго слѣда, кромѣ одного лишь названія села— первоначально Боровля, а впослѣдствіи, по склонности малорусскаго языка къ замѣнѣ въ собственныхъ именахъ в на м передъ мягкимъ л,— Боромля, вродѣ того, какъ получилось, напр., названіе Радомля изъ Радовля въ значеніи веселаго, пріятнаго мѣста.

Село живописно раскинулось по склонамъ пологихъ холмовъ. Съ разныхъ пунктовъ открываются красивые виды. Хорошъ видъ съ ахтырскаго шляха; еще лучше съ дороги отъ желѣзнодорожной станціи. Среди холмовъ, какъ въ рамкѣ, выступаютъ сотни бѣлыхъ хатокъ, а надъ ними поднимаются высокія колокольни четырехъ мѣстныхъ храмовъ. На окраинахъ, по взгорьямъ стоятъ многочисленныя крылатыя мельницы-вѣтряки.

Вѣтряки бываютъ разнообразны. Въ Ахтырскомъ уѣздѣ преобладаетъ простая 4-хъ угольная кладка, о 6 или 8 крыльяхъ, на дубовой подставкѣ, которая иногда покоится на каменномъ фундаментѣ. Воротомъ, исходящимъ изъ-подъ вѣтряка, поворачивается весь вѣтрякъ. Въ этихъ вѣтрякахъ, кромѣ мельничнаго жернова, бываютъ также ступы для толченія проса, по 3 или по 4 ступы. Въ Лебединскомъ уѣздѣ вѣтряки кверху суживаются и спереди имѣютъ нѣчто вродѣ закрытыхъ сѣней. Въ Богодуховскомъ уѣздѣ встрѣчаются вѣтряки на высокой рѣшотчатой подставѣ.

*) Укажемъ для сравненія этнографическое описаніе Котельвы свящ. Григорія Пыхотинскаго въ «Харьк. Губ. Вѣд.». 1838 №№ 27 и 28 и Харьк. календарь 1883, 374.

Въ Боромлѣ среди множества обычныхъ четырехугольныхъ вѣтряковъ мы нашли интересное культурное переживаніе, такъ называемый «круглякъ» — восьмиугольный вѣтрякъ, съ двумя дверями однѣ противъ другихъ. Нѣтъ ни пристѣнка, ни галлерейки. Вращается въ круглякѣ лишь крыша; воротъ съ земли идетъ вверхъ подъ крышу. Ступь въ «круглякѣ» не бываетъ. Во время вѣтра круглякъ трудно сдерживать или гальмовать. При разборѣ кругляка лѣсъ, порѣзанный на 8 пластинъ, вмѣсто 4-хъ, не имѣетъ такой цѣнности, какъ лѣсъ изъ-подъ 4-угольнаго вѣтряка. Эти экономическіе недостатки обрекаютъ круглякъ на полное исчезновеніе. Въ Боромлѣ случайно удержалось всего два кругляка.

Общему внѣшнему благообразію Боромли не отвѣчаетъ внутренняя обстановка. Улицы узкія и грязныя. Повсюду глубокія выбоины. На самомъ бойкомъ мѣстѣ передъ волостнымъ правленіемъ такія водомоины, что экипажъ сильно накренивается, и тутъ же изъ земли торчатъ пни и корни. Нынѣ въ селѣ около 13 тысячъ жителей, 15 лѣтъ назадъ было около 9 тыс., 1836 г. около 7 тысячъ. По числу населеніе растеть, но не видно, чтобы соотвѣтственно этому росла матеріальная обывательская культура въ смыслѣ расширенія удобствъ жизни.

Мѣстная пословица гласитъ: «Лебединь богатъ церквами, Исторопъ панами, а Боромля мужиками». Въ первыхъ двухъ частяхъ пословица устарѣла. Вѣрна лишь ея послѣдняя посылка. Боромля, дѣйствительно, «богата» мужиками. Дворянское землевладѣніе почти вполнѣ отсутствуетъ. Служилое сословіе немногочисленно и разрозненно. При всемъ томъ нельзя сказать словами пословицы, что «громада великій чоловікъ». Одностороннее богатство мужиками малоцѣнно и производитъ обратное впечатлѣніе бѣдности, безсилія и безпомощности.

Съ внѣшней стороны боромляне ни ростомъ, ни красотой не отличаются. Среди мужчинъ еще попадаются видные и представительные; но женщины въ большинствѣ малорослыя, съ грубыми чертами лица, сѣроглазья и некрасивыя. Особенно плохо выглядываетъ молодое женское населеніе. Повидимому, здѣсь обнаруживается вліяніе тяжелыхъ работъ на сахарныхъ плантаціяхъ; но одной этой причиной объясненіе не можетъ быть исчерпано, такъ какъ поставленное въ такія же бытовья условія населеніе нѣкоторыхъ близкихъ селъ лучше сохранило малорусскій типъ и выглядываетъ болѣе крѣпкимъ и здоровымъ.

Въ связи съ общимъ ослабленіемъ народнаго типа стоитъ сильное уклоненіе отъ старыхъ костюмовъ и обычаевъ къ современной городской обстановкѣ. Женщины по заимствованію городской одежды идутъ впереди. Въ праздники и въ селѣ, и въ полѣ — можно видѣть мѣщанскія корсетки,

юбки съ оборками, яркія мануфактурныя издѣлія, на головахъ фабричныя платочки.

Боромляне живутъ крайне гѣсно; немногіе дворы въ $\frac{1}{2}$ или въ $\frac{1}{3}$ десятины; большинство крошечныя. Хаты, повитки, клуны—все это въ кучѣ, стриха подъ стриху, обвито кругомъ тынками, набито разными клѣтушками, хлѣвами, курятниками. Ворота большей частью съ соломеннымъ навѣсомъ. Тыны съ такъ называемымъ «острожкой», покрытымъ соломой. Назначеніе «острожка» состоитъ въ прикрытіи тына отъ дождя; но въ дѣйствительности такой «острожокъ» мало предохраняетъ, а при пожарахъ опасенъ, какъ проводникъ огня. Въ однихъ мѣстахъ крестьянскія постройки скучены; въ другихъ—пустопорожніе дворы заняты огородами. Повидимому, плечи раздавались безъ достаточнаго основанія такимъ лицамъ, которыя, не нуждаясь въ постройкахъ, оставались на излюбленныхъ старыхъ мѣстахъ.

Въ распредѣленіи построекъ видны извѣстныя традиціи и привычки. Хаты ставятъ большей частью за тынами, изрѣдка прямо на улицу; къ нимъ, по личному усмотрѣнію, приставляютъ повитки и сарайчики. Очевидно, нѣтъ никакихъ правилъ, никакого общаго плана. Мѣстами соломенные повитки поставлены подъ хаты, крытыя желѣзомъ, такъ что въ пожарномъ отношеніи такая желѣзная кровля теряетъ всякое значеніе.

Судя по газетнымъ извѣстіямъ и частнымъ слухамъ, земство выдаетъ крестьянамъ желѣзо на льготныхъ условіяхъ. Но выдачи эти производятся скудно, и мы слышали жалобы крестьянъ, что приходится цѣлые дни проводить въ ожиданіи рѣшенія и что самыя поѣздки за желѣзомъ сопряжены съ разными хлопотами и расходами.

О черепицѣ приходится только почитать въ газетахъ. Дешева, прочна, красива, живетъ безъ покраски—чего лучше? Но никто этой румяной красавицы здѣсь не знаетъ; нигдѣ нѣтъ складовъ, ни въ Боромлѣ, ни въ окрестныхъ городахъ; нѣтъ мастеровъ, которымъ на мѣстѣ можно было бы поручить кладку.

Въ длинномъ ряду всяческихъ оскуднѣній болѣе всего бросается въ глаза вопіющее безводіе. Вода—великая, благодѣтельная сила. Извѣстно, что на Востокѣ тщательно оберегаютъ и украшаютъ водные источники, а на западѣ превращаютъ ихъ въ источники энергіи и дохода; но боромляне, а подобно имъ и обыватели многихъ другихъ большихъ украинскихъ сель, далеко отстали въ этомъ отношеніи, опустились и оскудѣли. Въ Боромлѣ еще въ 1885 г. было девять большихъ прудовъ; теперь осталось только два, очень плохихъ; большіе многоводные ставы выпущены и обращены въ сѣнокосы. Единственный большой общественный прудъ недавно отошелъ въ частное владѣніе, огороженъ и въ по-

слѣдніе годы такъ пересохъ и обмелѣлъ, что въ ближайшемъ будущемъ должно послѣдовать полное исчезновеніе. Такой же недостатокъ въ водѣ обнаруживается и въ поляхъ. Скоту негдѣ напиться; бабамъ негдѣ мыть бѣлье. Такая быстрая потеря воднаго богатства могла произойти лишь при бессилии «громады», лишенной организованной культурной общественности, когда нѣтъ предусмотрительности, нѣтъ руководящаго знанія, нѣтъ доброджелательной охраны мѣстныхъ производительныхъ средствъ и силъ.

Изъ другихъ многочисленныхъ оскудѣній бросается въ глаза уменьшеніе рогатаго скота и лошадей, вслѣдствіе дороговизны корма. Недавно въ мѣстныхъ газетахъ было отмѣчено, что агрономъ ахтырской уѣздной земской управы сообщилъ харьковской губернской, что мѣстное населеніе прогрессивно бѣднѣетъ, главной причиной чего онъ считаетъ отсутствіе скота и лошадей у крестьянъ, которымъ нечѣмъ ихъ кормить. Какъ на мѣру улучшенія положенія крестьянъ, ахтырскій агрономъ указываетъ на возбужденіе предъ правительствомъ соотвѣтствующаго ходатайства объ увеличеніи пошлинъ и провозныхъ тарифовъ на мукомольные отбросы съ цѣлью удешевленія ихъ и большей доступности для мѣстнаго населенія, чѣмъ будетъ доставлена возможность крестьянамъ имѣть кормъ для скота. Крупное улучшеніе въ эту печальную сторону народнаго быта можно внести лишь исправленіемъ традиціоннаго трехпольнаго хозяйства путемъ обращенія хотя бы части толочнаго поля подъ травосѣяніе, съ выдачей на первое время сѣмянъ на средства земства.

Сборъ хлѣба для крестьянина—дѣло первостепенной важности, и оказывается, что даже въ такомъ дѣлѣ нѣтъ у него ничего такого, что прочно охраняло бы его насущные интересы. Традиціонный способъ такой: на выходящихъ въ поле улицахъ, въ концѣ ихъ, ставятъ ковороты—плетни съ воротами, а на главной дорогѣ строятъ еще въ добавокъ курень и сажаютъ въ немъ старика или старуху сторожить въѣздъ. Но вотъ хлѣбъ собранъ, копны усѣяли поле, и сами крестьяне начинаютъ преждевременно растаскивать ковороты, такъ что сидящая въ куренѣ старуха оказывается безсильной и не можетъ прогнать проникающій въ поле съ разныхъ сторонъ скотъ. Ближайшія копны разбиваются и растаскиваются; зерно сыплется, и крестьяне спѣшатъ свезти его, замедляя уборку ярового хлѣба. Ни малѣйшаго надзора за коворотами, очевидно, нѣтъ. Хуже всего то, что загородки раскрываются даже тогда, когда хлѣбъ еще на корнѣ, какъ это было въ прошлое лѣто въ яровомъ полѣ.

Много земли пропадаетъ подъ ярами и оврагами, число и размѣры которыхъ изъ года въ годъ увеличиваются. Боромлянская мѣстность холмистая. Повсюду встрѣчаются водомоины, которыя при дождяхъ расширяются въ овраги. Во многихъ мѣстахъ глубокіе овраги подошли къ

проѣзжимъ дорогамъ. Только по двумъ дорогамъ, гдѣ проѣзжаетъ кое-какое начальство, сдѣланы загородки или обсыпаны края небольшимъ валомъ, а на проселочныхъ дорогахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ огорожи, и въ дождливые дни, когда почва скользкая, возы и отдѣльныя животныя легко могутъ скатиться въ овраги, что уже неоднократно случалось съ лошадьми. Очевидно, овраги предоставлены всецѣло дѣйствию природныхъ стихій. Никто не заботится объ ихъ подсчетѣ, о провѣркѣ въ извѣстные сроки ихъ размѣра и направленія, объ остановкѣ или, по крайней мѣрѣ, замедленіи ихъ движенія или объ ихъ закрѣпленіи и облѣсеніи. Многіе яры называются терновыми, потому что въ нихъ нѣкогда росли терновые и другіе кусты, въ нѣкоторыхъ оврагахъ росли березы, рябина; но всѣ деревья вырублены и яры оголены; теперь только одни названія указываютъ, что, помимо искусственнаго лѣсо-разведенія, овраги эти могли бы служить хозяйственнымъ цѣлямъ, если бы къ нимъ отнеслись культурно, а не варварски, невѣжественно и истребительно.

Нестроеній подобнаго рода—необъятное число, и въ совокупности они кошмаромъ ложатся на весь строй народной жизни и создаютъ общую печальную картину соціального и экономическаго убожества. Стоитъ нынѣ эта убогая масса безпомощно передъ всякимъ бѣдствіемъ, передъ пожарами, засухами, наводненіями, повторяя старыя ошибки и старыя оплошности, распахивая отъ малоземелья овраги и тѣснясь по грязнымъ и тѣснымъ улочкамъ подъ соломенными крышами.

Изъ мелочей народной жизни отмѣтимъ бублики, которыми Боромля нѣкогда такъ славились, что они даже попали въ словари. Такъ, въ большомъ старомъ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Плюшара (т. VI, 1836 г.) сказано: «Особливо примѣчательное произведеніе Боромли есть собственные ея бублики или крендели, которые развозятся отсюда во всѣ окрестныя города и селенія». Теперь этихъ «особливо примѣчательныхъ произведеній» нѣтъ, боромлянскіе бублики особенными достоинствами не отличаются и предметомъ вывоза не служатъ.

Изъ новыхъ культурныхъ явленій интересно развитіе земляничнаго производства. Лѣтъ 10 или 15 назадъ какой-то захожій челоувѣкъ научилъ боромлянъ разводить крупную садовую землянику, и въ короткое время боромляне наводнили земляникой сосѣдніе рынки. Во множествѣ продуктъ этотъ идетъ въ Сумы и Ахтырку. Примѣръ этотъ показываетъ, какъ жадно набрасывается простой народъ на практическія, полезныя знанія, когда они преподносятся ему людьми близкими и въ простыхъ формахъ. Курьезно, что въ Сумы землянику возятъ въ корытахъ, гдѣ стираютъ бѣлье; не достааетъ знанія корзиночнаго производства, чтобы

обзавестись дешевыми и удобными корзинами домашняго приготовления, что легко было бы сдѣлать при обилии такихъ низинъ, гдѣ можно разводить корзиночную лозу.

Въ Боромлѣ есть хорошее министерское двухклассное училище и нѣсколько другихъ маленькихъ школъ; школьное преподаваніе обезпечено опытнымъ персоналомъ, при всемъ томъ населеніе еще сильно нуждается въ расширеніи школъ, такъ какъ многіе не могутъ дать своимъ дѣтямъ образованія по недостатку мѣста. Есть въ селѣ и библіотеки, и народныя чтенія, но всего этого слишкомъ мало по нуждамъ и потребностямъ населенія. Болѣе всего чувствуется потребность въ живомъ практическомъ воздѣйствіи, въ формѣ опытныхъ полей, недвижимыхъ музеевъ, мѣстныхъ складовъ, наставленій, воспособленій. Крестьяне крайне нуждаются въ совѣтахъ, указаніяхъ и наставленіяхъ компетентныхъ и свѣдущихъ людей по всѣмъ отраслямъ знанія, въ особенности въ указаніяхъ и наставленіяхъ въ области прикладныхъ знаній и гигиены. Школа уже много поработала и продолжаетъ работать. Она уже подготовила извѣстный контингентъ грамотныхъ людей. Теперь нужны дополнителныя общественныя и личныя воздѣйствія; нужно это для экономическаго и общественнаго благоустройства, чтобы можно было утилизировать грамотность, направляя ее на улучшенія матеріальной обстановки, домашняго быта, земледѣлія, промысловъ, на улучшеніе скота, на развитіе гигиеническихъ понятій и оздоровляющихъ привычекъ.

VI.

У великороссовъ въ с. Людѣ.

Въ сѣверо-восточномъ углу Ахтырскаго уѣзда среди сплошнаго малорускаго населенія находится интересный въ этнографическомъ отношеніи великорусскій оазисъ: села Люджа, Верхолюджа, Пожня, Дерновое, Ницаха и Поляное. Время возникновенія этихъ поселеній въ точности неизвѣстно. Архіепископъ Филаретъ въ «Ист. Стат. Опис. харьковской епархіи», принимая во вниманіе наиболѣе старыя документы на земельныя владѣнія, полагаетъ, что первое заселеніе земель Пожни надобно относить ко времени царствованія Алексѣя Михайловича», т. е. къ половинѣ XVII ст. Есть документальное указаніе на построеніе церкви въ Пожнѣ въ 1660 г., что указываетъ на болѣе раннее возникновеніе великорусскихъ поселеній даннаго раіона. Въ одномъ актѣ 1686 г. село называется уже старая Люджа. Въ теченіе столѣтій великороссы живутъ рядомъ съ малороссами въ общихъ природныхъ и экономическихъ усло-

віяхъ, не смѣшиваясь съ ними, въ національномъ обособленіи, но не безъ взаимныхъ вліяній, при чѣмъ, какъ будетъ далѣе отмѣчено, малорусское вліяніе беретъ сильный перевѣсъ.

Для ознакомленія съ этимъ оазисомъ я выбралъ одно село—Люджу, въ 15-ти верстахъ отъ Боромли, верстахъ въ 6-ти отъ Тростянца, село довольно большое, съ храмомъ и школой.

Нужно, однако, оговорить, что по одному селу нельзя дѣлать какіе-либо общіе выводы или заключенія относительно этнографическаго состава всего оазиса. Для такого рода выводовъ необходимо детальное изученіе всѣхъ входящихъ сель со стороны языка, одежды, повѣрій и обрядовъ. вмѣсто предполагаемаго единства можетъ обнаружиться разнообразіе, если принять во вниманіе, что въ старое время, въ XVII столѣтіи, московское правительство, а позднѣе, въ XVIII ст., крупные помѣщики заселяли свободныя земли разными сведенцами или крестьянами съ другихъ далеко отстоящихъ своихъ имѣній.

Изъ Боромли въ Люджу ведутъ три дороги—краткая, гористая и плохая на Криничное, длинная шляхомъ въ объѣздъ на Радомлю и наиболѣе удобная средняя, но дорога эта версты на 4 идетъ по владѣніямъ тростянепкой экономіи, частью лѣсомъ, и лѣсные сторожа не даютъ здѣсь проѣзда. Мы благополучно проскользнули по этой заповѣдной дорогѣ, подвизавъ колокольчики, и не жалѣемъ, что выбрали этотъ путь. Превосходно укатанная и тщательно выровненная дорога лентой тянется среди густого лѣса; кроны высокихъ деревьевъ сходятся на верху и разливаютъ въ жаркій лѣтній день вокругъ себя прохладу; проѣхать по лѣсной дорогѣ истинное удовольствіе.

Люджа уже въ 1689 г. называлась селомъ, и теперь она имѣетъ видъ чистаго села, безъ какихъ-либо выходящихъ изъ общаго сѣраго уровня построекъ. Видъ села не лишенъ мѣстами живописности. Избы расположились по скатамъ холмовъ, кое-гдѣ идутъ въ ложбинахъ. Общій видъ дворовъ и избъ ничѣмъ не отличается отъ сосѣднихъ малорусскихъ сель. Телѣги также ничего особаго, сравнительно съ малорусскими возами, не представляютъ, и въ этомъ отношеніи великороссы, при всей ихъ обособленности, подчинились вліянію малороссовъ *).

*) Вліяніе это можно подтвердить, между прочимъ, на почвѣ сравненія словъ. Такъ, малорусскій возъ имѣетъ слѣдующія части и названія: драбина, полудрабки, щабля, ручка, передокъ, задокъ, рѣшетка, пидтоки, пидгерсти, жабка, оплинь, снусоголове, люшня, висъ, чека, колесо, обидь, спицы, колодка, рифа, утулки, шина, зависокъ, пидисокъ, рвантъ, оглобля, отосы и шворень. Великорусская телѣга, при наружной тожественности, имѣетъ тѣ же части и почти тѣ же ихъ названія: оглобли, отосы, колеса, ободъ, спицы, колодка, чека, полудрабокъ, люшня, подтоки, подгереть, шворень, драбина, загвоздка, подоски. Если считать нѣкоторые термины общерусскими, то для частнаго малорусскаго вліянія останутся такіа заимствованія, какъ термины: подтоки, подгереть, полудрабокъ.

Приѣхали мы въ Люджу 1 іюля, въ день Косьмы и Даміана—мѣстнаго храмоваго праздника. Все населеніе толпилось въ церкви, у церкви и на ближайшей маленькой площади подъ горкою, гдѣ наскоро было разбито нѣсколько ярмарочныхъ балагановъ съ краснымъ товаромъ и дешевенькими сластями.

Домъ священника небольшой, нѣсколько сумрачный и сыроватый. Просторный церковный дворъ разбитъ вдоль на двѣ части—съ одной стороны идутъ дворовыя постройки, съ другой пестрымъ ковромъ разстилаются цвѣты. За цвѣтникомъ стоитъ церковь, небольшая, но свѣтлая и чистая; за церковью по скату холма поднимается прекрасная дубовая роща съ большими, старыми, вѣтвистыми и гѣнистыми деревьями. Въ концѣ рощи пріютилась пасѣка.

Выстоявъ обѣдню, посмотрѣвъ на крестный ходъ вокругъ церкви, на пеструю толпу разодѣтаго по праздничному народа, мы спустились съ горки внизъ на ярмарку. Тутъ открылась пестрая и живая картина народнаго быта. Главнымъ ея украшеніемъ были женскіе костюмы, старинные, живописные, съ разными богатыми украшеніями. Мы сняли съ нихъ фотографіи и, кромѣ того, приобрѣли для этнографической выставки коллекцію одеждъ. Какъ много выигрываютъ эти жалкія узенькія улочки, эти кривобокія бѣдныя хатки, когда видишь возлѣ нихъ стройныхъ и красивыхъ женщинъ въ яркихъ, украшенныхъ золотомъ и серебромъ, оригинальныхъ одеждахъ и еще болѣе оригинальныхъ головныхъ уборахъ! Великороссіянки—въ похвалу имъ будетъ сказано—крѣпко берегутъ свой старозавѣтный костюмъ и не идутъ на дешевыя и гнилыя фабричныя издѣлія. Священникъ Петръ Ковалевскій въ описаніи с. Люджи, напечатанномъ въ 3 № «Харьк. Епарх. Вѣдомостей» 1869 г., говоритъ, что «здѣшній народъ вообще трудолюбивый, предприимчивый, энергичный и съ благородствомъ въ характерѣ, въ особенности женщины». И нынѣ, повидимому женщины выдвигаются, какъ консервативный элементъ, сохраняющій старину въ одеждѣ. Мужчины начинаютъ поддаваться. Такъ, круглыя войлочные шапки, такъ называемые яломки, начинаютъ отступать передъ картузами. Вообще мужской костюмъ люджанскій напоминаетъ обычный великорусскій мужской костюмъ. Длинная рубаха ниже колѣнъ у молодыхъ парней окаймляется красной каймой или вышивкой въ подолѣ.

Женскій костюмъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей: *Головной уборъ*: у дѣвушекъ—«строчка», у замужнихъ женщинъ—«сорока». Строчка состоитъ изъ довольно узкой повязки на лбу, вышита золотомъ или серебромъ, темя открытое, на спину спускается лента. Сорока сложный и дорогой уборъ. Сначала на голову надѣваютъ кичку изъ грубаго полотна, при чемъ кичку стягиваютъ на головѣ такъ сильно, что невѣстамъ,

впервые подвергающимся тому на свадьбахъ, дѣлается дурно. Сверху кички надѣваютъ вышитую сороку, въ родѣ колпака, разнообразной пестрой отдѣлки, крестиками, полосками и проч.. Сорока спускается на затылокъ расшитой полосой. Цѣна дорогая—10, 12, 15 руб. Богатыя молодицы рисуются своими головными уборами; въ праздникъ въ церковь надѣваетъ одинъ, на ярмарку другой и т. д., перемѣняя ихъ на показъ. На верху сороки находится толстая кисть съ бахромой; на ушахъ къ серьгамъ прикрѣпляются круглыя кисти изъ чернаго гаруса. Поверхъ сороки замужнія женщины набрасываютъ еще легкую бѣлую кисею, т. наз. «дымку», которой иногда оборачиваютъ голову, какъ чалмой.

Сорочка изъ бѣлаго холста, длинная, съ кумачевыми наплечниками, и съ «манжетами», т. е. съ широкими цвѣтными лентами въ концѣ рукавовъ, изъ красной и синей матеріи, вершка въ два длины.

Юбка у дѣвушекъ обыкновенная клѣтчатая панева изъ домашняго сукна съ узорной каймой въ подолѣ, у замужнихъ женщинъ изъ чернаго сукна съ золотой каймой и очень оригинальный репей, или панева съ вставкой широкихъ цвѣтныхъ полосъ, у богатыхъ пестраго и дорогого рисунка, у людей средняго достатка и бѣдныхъ—попроще. Репей обходится дорого, около десяти рублей.

Обувь у мужчинъ—обыкновенные сапоги и лапти, у женщинъ башмаки-черевики съ обязательными «пончолами», т. е. бѣлымъ войлокомъ. плотно облегающимъ ногу до колѣна, при чемъ эту обувь женщины носятъ лѣтомъ въ самые жаркіе дни, по требованію обычая.

Изъ мѣстныхъ обычаевъ заслуживаетъ вниманія интересный традиціонный порядокъ выѣзда «по груши». До извѣстнаго срока, пока плоды не поспѣютъ вполнѣ, никто ихъ не рветъ; всякій провинившійся подвергается взысканію. Староста объявляетъ, что такого-то числа будетъ дано разрѣшеніе ѣхать «по груши». Мужики запрягаютъ съ утра возы и, какъ только раздается кликъ «по груши», стремглавъ мчатся въ лѣсъ, обгоняя другъ друга, со свистомъ и гикомъ. Выѣзжаютъ и старыя и малыя. Кто первый возьмется за дерево, или броситъ на него свою вещь, тотъ считается собственникомъ фруктовъ. Дня два или три крестьяне проводятъ въ лѣсу и набираютъ большое количество кислицъ и грушъ, которыя затѣмъ сушатъ въ особыхъ сушильняхъ, очень плохихъ, такъ что фрукты пропитываются дымомъ отъ горящихъ внизу головешекъ. Въ результатѣ получаютъ хорошіе сборы, которые не только удовлетворяютъ годовой домашній спросъ, но идутъ въ продажу, такъ что при хорошемъ сборѣ семья получаетъ прибыли нѣсколько десятковъ рублей. Въ крестьянскомъ обиходѣ это хорошій заработокъ, а еще лучше, что такой тради-

ціонный обычай поддерживает дисциплину, заставляет выжидать срокъ и пользоваться имъ, не нарушая общихъ интересовъ.

Любопытно, что о грушевомъ промыслѣ говорить и свящ. Ковалевскій въ «Харьк. Епарх. Вѣд.» 1869 г. № 3. «Съ 29 августа до половины сентября люджане и верхолюджане цѣлыми семьями выѣзжаютъ въ окрестные лѣса и собираютъ тамъ груши. Грушевое дерево считается здѣсь заповѣднымъ: никто его не рубить ни на какую нужду. Собранныя груши сушатъ въ лѣсу на особо устроенныхъ сушкахъ и высушенными привозятъ домой». Въ 60-хъ годахъ, по словамъ свящ. Ковалевскаго, высушивалось ежегодно до двадцати тысячъ пудовъ, которые, кромѣ мѣстнаго употребленія, шли въ продажу въ Харьковъ, и далѣе въ губерніи Екатеринославскую и Херсонскую.

Среди крестьянъ есть свои знаменитости, есть одинъ знахарь съ темной репутацией, есть болѣе интересный крестьянинъ, свать, смастерившій около сотни свадебъ. Со словъ этого своего рода специалиста записано подробное описаніе мѣстныхъ свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ. Описаніе это будетъ напечатано въ специальномъ изданіи. Здѣсь достаточно отмѣтить, что люджанская свадьба, за немногими исключеніями, усвоила малорусскій ритуаль и въ особенности малорусскія свадебныя пѣсни. Расплетеніе косы молодой, приготовленіе короваля, перезва—все идетъ по малорусскому обряду. Своеобразный характеръ имѣеть лишь обыкновение развѣшивать по угламъ избы хлѣбныя снопы, вымолотъ ихъ на свадьбѣ и передача зерна невѣстѣ.

Пѣсни—малорусскія въ легкой передѣлкѣ, напримѣръ, пѣсня:

Убирайся, тещенька, убирайся,
Въ сафьяны сапожки обувайся,
Топчи враги подъ ноги.
А сопостаты подъ пяты,
Чтобъ наши подковки гремѣли,
Чтобъ наши враги понѣмѣли.

По малорусски: «щобъ наши пидковки брязчали, щобъ наши вороги мовчали». Все прочее почти дословно сходно.

Кое-какой матеріалъ для сравненій даетъ описаніе люджанскихъ свадебныхъ обычаевъ въ статьѣ свящ. Ковалевскаго въ «Харьк. Епарх. Вѣд.», матеріалъ, впрочемъ, скудный. Свящ. Ковалевскій о пѣсняхъ совсѣмъ умолчалъ. Замѣчательно, говорится въ этой статьѣ, что на свадьбахъ въ Люджѣ нѣтъ музыкантовъ, а всѣ дѣвицы и женщины поютъ и пляшутъ, по ихъ поговоркѣ—«свои языки, свои музыки». Ковалевскій отмѣчаетъ любопытный обычай, что дочери богатыхъ крестьянъ, которыхъ родители не хотятъ отдать за бѣдняка, по любви ночью уходятъ

съ своими вещами въ домъ жениха-бѣдняка, и тогда родители жениха и невѣсты улаживаютъ дѣло по соглашенію. Такіе случаи, впрочемъ, были рѣдки.

Если судить по Людѣ, великорусскій оазисъ, повидимому, во многомъ подчинился украинской національности въ бытовой обстановкѣ, нѣсняхъ, повѣрьяхъ и обрядахъ. Единственное яркое обособленіе въ женскихъ костюмахъ.

VII.

О нѣкоторыхъ ущербахъ народнаго быта и морали.

Моральная и бытовая обстановка крестьянъ Ахтырскаго уѣзда довольно тихая и мирная. Встрѣчаются, разумѣется, отдѣльныя порочныя лица, поджигатели, конограды, но какъ печальное исключеніе; такими порочными элементами народъ очень тяготится и обнаруживаетъ большое удовольствіе, когда ихъ выдворяютъ изъ села и ссылаютъ. Въ ахтырскихъ селахъ еще можно ночевать съ незапертыми дверями.

При всемъ томъ по временамъ всплываютъ такія явленія, которыя указываютъ на ослабленіе традиціоннаго нравственнаго порядка, въ частности на огрубѣніе и разнузданность молодежи. Такъ, въ одномъ большомъ и бойкомъ селѣ въ началѣ прошлаго августа парубки изъ шутки и озорства бросили въ колодезь 17-лѣтнюю дѣвушку, возвращающуюся въ сумерки вмѣстѣ съ нѣсколькими подругами съ поденной работы въ сосѣдней экономіи. Дѣло было на большой проѣзжей улицѣ. Дѣвушка была вытащена сбѣжавшимися крестьянами и довольно счастливо отдѣлалась легкими ушибами. Меня заинтересовалъ этотъ курьезный случай, и я съѣздили къ пострадавшей на домъ, при чемъ ознакомился съ обстановкой очень бѣдной крестьянской семьи. Хата стоитъ въ концѣ села, на пустынной улочкѣ. Во дворѣ нѣтъ никакихъ построекъ; даже нѣтъ воротъ. Ни коровы, ни лошади: ѣздить некому и возить нечего. Семья ограничивается однимъ перелазомъ. Хата въ два крошечныхъ окна. Хозяинъ, запивающій плотникъ, завѣялся на сторонѣ. Семья состоитъ изъ матери, двухъ взрослыхъ дочерей дѣвушекъ и подростка сына. Вся тяжесть заработка лежитъ на бѣдныхъ дѣвушкахъ. Пострадавшая, при паденіи въ колодезь, получила ушибы, промокла въ холодной водѣ и нѣсколько дней не могла пойти на работу отъ боли въ глазахъ и въ боку. Какъ мнѣ передавали, провинившіеся парубки все народъ великовозрастный, одному 23 года, двумъ другимъ лѣтъ по 20. Такая разнузданность и грубость рѣзко противорѣчатъ съ симпатичными чертами украинскаго парубка старинныхъ народныхъ пѣсень, въ которыхъ, наряду съ несомнѣн-

ной идеализаціей, много бытовой правды. Повидимому, современные старики крестьяне правы въ ихъ жалобахъ на ослабленіе семейныхъ нравственныхъ узъ и родительскаго авторитета. Мѣстами обнаруживается уклоненіе осторожныхъ стариковъ отъ сельскихъ сходовъ, гдѣ верховодить молодежь. Характерное замѣчаніе по этому поводу высказалъ мнѣ одинъ старикъ: «будь солодкимъ—проглынуть, будь гаркимъ—проклянуть».

Старинные устои нравственной дисциплины, подъ разнообразными вліяніями, потеряли прочность, а новые еще не выяснились или крайне случайны. Самымъ могучимъ новымъ факторомъ обѣщаетъ быть женское образованіе; но оно теперь еле просачивается въ сельской буржуазіи, и почти не замѣтно въ смыслѣ развитія педагогической морали.

Въ народной жизни въ настоящее время идутъ глубокія внутреннія измѣненія, которыя нельзя вполне прослѣдить или урегулировать, по чрезвычайному разнообразію мелкихъ, неуловимыхъ и, при всемъ томъ, важныхъ подробностей. Одной изъ главныхъ причинъ ослабленія моральной дисциплины нужно признать глубокія измѣненія въ экономической жизни народа. Не входя въ подробное обсужденіе этой важной стороны народной жизни, мы здѣсь только замѣтимъ, что на ослабленіе нравственныхъ устоевъ повліяло ослабленіе или полное исчезновеніе народныхъ промысловъ, въ частности исчезновеніе чумачества и почти полное прекращеніе пчеловодства.

Чумачество, нѣкогда господствовавшее въ Ахтырскомъ уѣздѣ, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ стало анахронизмомъ и прекратилось. Въ то время какъ на сторонѣ, въ городахъ, какъ грибы, росли разныя акціонерныя предиріятія, мелкая крестьянская промышленная и торговая дѣятельность, кустари и чумаки, шли на убыль, къ изнеможенію и вымиранію. Мелкая крестьянская промышленность, гдѣ удержалась, сошла на роль прикащика, а масса народа—на степень рабочаго.

Чумацкій промыселъ не только давалъ хорошій заработокъ, но и вносилъ въ народную жизнь нравственную дисциплину, выносливость, любовь и привычку къ порядку. Множество сохранившихся чумацкихъ пѣсенъ прекрасно рисуютъ ту суровую школу нравственной выдержки и терпѣнія, которую проходилъ чумакъ стараго времени, и нѣтъ ничего удивительнаго, что изъ этой трудовой школы выходили крѣпкіе, закаленные люди, которые скопили деньги, не отдѣляясь отъ родныхъ условій, и подъ черной отъ дегтя сорочкой сохраняли доброе сердце, открытое для бѣдныхъ односельцевъ. Теперь молодой парень идетъ на заработки на желѣзную дорогу въ ремонтные рабочіе или на сахарные заводы, гдѣ въ одну недѣлю насмотрится и наслышится многого такого, что не можетъ дѣйствовать воспитательно, а лѣтъ 40 или 50 назадъ тотъ же па-

рубокъ шелъ по необозримымъ степямъ за чумацкимъ возомъ подъ строгимъ надзоромъ старшаго атамана. Теперь рабочій возвращается изъ завода или чугунки по субботамъ съ гикомъ и свистомъ; иногда первымъ дѣломъ посѣщаетъ монопольку и бьетъ свою жену, а лѣтъ сорокъ назадъ неаккуратнаго рабочаго, не исполняющаго артельныхъ правилъ, старики учили въ степи при молчаливомъ согласіи артели валки. Въ результатѣ вырабатывались люди сильнаго характера и нравственнаго порядка, которые не только не допускали дурныхъ поступковъ, но не позволяли и дурныхъ словъ.

Значительное вліяніе на убыль народной морали оказываетъ происходящее на нашихъ глазахъ почти полное исчезновеніе пчеловодства. У кого были сотни колодокъ,—остались десятки; а гдѣ были десятки, отъ пасѣки не осталось и слѣда. Старики еще кое-какъ держатся; но какъ только они переселяются на кладбище, на пасѣкѣ появляется гнилая курушка, и на мѣстѣ ульевъ остаются только кучи закуренныхъ мертвыхъ пчелъ. Трудно теперь держать пасѣки; все равно безъ подкорма пчелы пропадаютъ. Главное, не съ чего имъ бѣднымъ брать. Все вырублено и распахано; ни липовыхъ лѣсовъ, ни зеленыхъ облоговъ. Вся взятка держится на цвѣтущей гречихѣ: но при ежегодныхъ засухахъ, и гречиха оказывается плохой опорой. Остаются только одинокіе ярко-красные цвѣты будяковъ по узкимъ полевымъ обмежкамъ; пчеловодство погибаетъ быстро и безслѣдно.

А между тѣмъ съ этимъ симпатичнымъ промысломъ неразрывно связано много нравственныхъ началъ. «Аще кто пожелаетъ имѣть у себя пчель», говорится въ одной старинной рукописи, «подобаетъ тому челоуѣку быть во всякой чистотѣ, удерживаться отъ пьянства и быть податливому въ церковь, милостивому къ нищимъ и странствующимъ». Можно считать вполне доказаннымъ, говорить извѣстный нѣмецкій пчеловодъ, баронъ Берлапшъ, что пчеловоды, за весьма рѣдкими исключеніями, хорошіе люди. Да оно и понятно: пчеловодство есть нѣчто столь чистое и благородное, что люди съ низкой душою имъ заниматься не станутъ. Оно облагораживаетъ челоуѣка и приучаетъ его къ спокойнымъ и прилежнымъ занятіямъ. Въ семействахъ пчеловодовъ всегда царствуетъ миръ и довольство, само собою разумѣется, что подъ такимъ вліяніемъ воспитываются и дѣти. Въ жизни пчель простой челоуѣкъ склоненъ находить для себя много поучительнаго и назидательнаго: въ ихъ трудолюбіи, любви къ порядку, преданности своей семьѣ, въ ихъ своего рода, гражданскихъ добродѣтеляхъ.

Превосходная характеристика нравственнаго значенія пчеловодства въ жизни крестьянъ дана профессоромъ А. Г. Зайкевичемъ въ слѣдующихъ строкахъ:

«Крестьянская обстановка мало даетъ матеріала для духовныхъ наслажденій, она слишкомъ скупа на нихъ, а между тѣмъ потребность въ нихъ присуща человѣческой натурѣ и чувствуется тѣмъ, сильнѣе, чѣмъ прирожденные способности и духовный складъ выше. Казалось бы странно утверждать, а между тѣмъ это несомнѣнно вѣрно, что въ значительной мѣрѣ этимъ неудовлетвореннымъ въ жизни стремленіямъ удовлетворяетъ пасѣка. Кто посѣщалъ наши крестьянскіе пчельники, всматривался въ жизнь и моральный складъ ихъ обладателей, тотъ навѣрно согласится со мною. Пріютившись гдѣ-нибудь на свѣтлой полянкѣ лѣса, въ степи, въ балкѣ, въ разрытомъ курганѣ, или же въ селѣ, въ уединенномъ садикѣ, за высокой тростниковой изгородью, покрытой хмѣлемъ и ползучими травами, пасѣка представляется совершенно особымъ миромъ. Двѣ, три развѣсистыхъ яблони и кудрявыхъ вишенъ, подъ сѣнью которыхъ всегда найдется часто выцвѣтшій отъ солнца и дождя ликъ Зосимы и Савватія, покровителей пчель, тонкій аромат цвѣтущей мелисы, любимой пчелами и засѣваемой заботливой рукой пасѣчника, запахъ воска и свѣжаго меда, и нескончаемый, навѣвающій спокойствіе гулъ пчель, придаютъ этому маленькому міру большую прелесть. Въ этомъ миниатюрномъ мірѣ, чуждомъ страстей и тревоженій, свойственныхъ крестьянской обстановкѣ, въ его ароматной тиши, простой человѣкъ морально бодрѣетъ и освѣжается. Здѣсь онъ близокъ къ спокойной, почти ласкающей его природѣ; здѣсь онъ, присматривая за пчелами, наблюдаетъ ихъ, по своему мудрствуетъ и многому у нихъ выучивается; читаетъ священное писаніе, если онъ грамотный, и подъ часъ усердно молится».

Чумачество и пчеловодство—мужскіе промыслы; потеря ихъ отразилась преимущественно на мужскомъ населеніи; но и у женщинъ есть въ этомъ отношеніи свои убыли, хотя и не столь крупныя, но въ совокупности также оставившія свой слѣдъ въ строѣ жизни. Изъ женскихъ промысловъ почти вполнѣ прекратились выдѣлка плахтъ, выдѣлка ковровъ и попонъ, выдѣлка цвѣтныхъ восковыхъ свѣчей и нѣкот. др.

Г. Твердохлѣбовъ въ статьѣ о плахотницахъ Ахтырскаго уѣзда въ 1881 г. говорилъ, что «спидныця не опасная конкурентка плахты», что на ярмаркахъ и въ праздники полное торжество плахты; молодая женщина въ спидныцѣ рѣдкое исключеніе». Но прошло двадцать лѣтъ, и легкая ситцевая спидныця совсѣмъ одолѣла солидную старозавѣтную плахту. Нынѣ и въ Ахтыркѣ плахты стоятъ на пути къ полному исчезновенію, а къ сѣверу, напр., въ Боромлѣ, совсѣмъ вышли изъ употребленія. Не помогло плахтамъ, что одно время на нихъ возникъ было спросъ въ городахъ на обивку мебели, экипажей, дорожки и т. п. Такія эфемерныя явленія не могутъ замѣнить прекращенія массоваго народнаго

спроса. Ремесленный человекъ вообще въ Малороссіи считается «поваж-нымъ чоловікомъ». Плахотницы не составляли въ этомъ отношеніи исключенія». «Это, такъ ихъ описывалъ г. Твердохлѣбовъ, серьезные, ласковыя, привѣтливыя, скромно сознающія свое достоинство «панيماتки». Важно сидитъ она за своей работой, въ бѣлой сорочкѣ съ шитыми мережкой или заплочью рукавами, «повагомъ»—вдумчиво перекидываетъ на станкѣ свой човникъ со стороны на сторону, то молчаливо, то напѣвая одну изъ тѣхъ пѣсенъ, «про котори богато де-хто вже позабувавъ». Верстакъ стоитъ подъ образами, подлѣ окошка; на стѣнѣ шитые рушники, моточки шерсти, бумаги. За образами заткнуты васильки, ласкавецъ, гвоздики съ чернобривцами. Нигдѣ ни пылинки: повсюду чисто, уютно. Отъ всей этой скромной обстановки вѣетъ тихой памятью все болѣе и болѣе забываемой старины»... Понятно, что въ такой старинѣ было нѣчто моральное, хорошее, нѣчто такое, что вносило въ бытовую обстановку начало внутренняго благородства и нравственной дисциплины.

Подобный характеръ имѣлъ вышедшій коцарскій промыселъ. Въ «Топографическомъ описаніи харьковскаго намѣстничества» 1788 г. сказано, что «работа женскаго пола заключается въ дѣланіи ковровъ разной мѣры и цѣны». И краски, и матеріалъ были мѣстнаго происхожденія и мѣстной обработки. Впослѣдствіи съ любовью говорили объ этомъ промыслѣ Квитка и Топчіевъ. Г. О. Квитка говоритъ, что коцарки составляли краски изъ мѣстныхъ полевыхъ цвѣтовъ и окрашивали ими получаемую отъ домашнихъ овецъ шерсть, изъ которой потомъ и ткали ковры фантастическими узорами. Знаніе узоровъ переходило изъ рода въ родъ, отъ матерей къ дочерямъ. Ковры по доброкачественности, красотѣ и дешевизнѣ пользовались славой. Уже въ 50-хъ годахъ этотъ промыселъ склонился къ упадку и почти совсѣмъ прекратился. Конкуренція ковровъ фабричнаго производства, вздорожаніе матеріала, наконецъ, общее экономическое оскудѣніе доконало коцарскій промыселъ, а вмѣстѣ съ нимъ исчезли и связанныя съ нимъ знанія, представленія и понятія нравственнаго порядка.

Церковныя свѣчи домашняго приготовленія вытѣснены сосредоточеніемъ свѣчного производства въ рукахъ духовной власти. Кустарное производство восковыхъ свѣчей представляется нынѣ невозможнымъ и запретнымъ. Кое-гдѣ еще сохранилось искусство изготовленія цвѣтныхъ свѣчей. Мы нашли его въ одномъ селѣ, и представили въ предварительный комитетъ археологическаго съѣзда 12 свѣчей разныхъ формъ и разнаго рисунка. Работала ихъ намъ, по заказу, пожилая женщина, по старой традиціи, въ патріархальной обстановкѣ, въ чистой хатѣ, украшенной иконами и рушниками.

Всѣ исчезнушіе и исчезающіе промыслы чисто народныя; даже чумачество нельзя отнести къ отхожимъ промысламъ, потому что чумаки всегда крѣпко держался своей соціальной среды, и потому потеря этихъ промысловъ тяжкая: новые промыслы не могутъ ее замѣнить въ смыслѣ экономическомъ и моральномъ, такъ какъ въ большинствѣ отвлекаютъ работника отъ семьи, отъ его родного села, и ставятъ въ такія условія, которыя тяжело отзываются на здоровьѣ и нравственности, въ родѣ корчевки лѣса, копки буряковъ, желѣзнодорожнаго ремонта и пр. т. п. не-благодарнаго труда. Особенно невыгодны въ нравственномъ смыслѣ такія новыя женскія занятія, какъ работа на сахарныхъ плантаціяхъ, иногда въ дурную, сырую погоду, среди испорченныхъ и грубыхъ экономическихъ служащихъ. При такихъ условіяхъ изъ ремесленнаго и рабочаго человѣка ужъ никоимъ образомъ не можетъ выработываться человѣкъ «поважный», т. е. уважаемый, солидный, съ нравственной выправкой, а выработывается большей частью человѣкъ грубый, наглый и высоко-мѣрный, который изъ шутки можетъ обругать, а изъ озорства бросить въ колодезь.

Одинъ уважаемый ученый, по объѣздѣ съ научной цѣлью многихъ городовъ и селъ Харьковской губерніи, писалъ мнѣ въ іюлѣ 1901 г.: «Наши села лѣтомъ куда веселѣе выглядываютъ, чѣмъ зимою; но все же какое однообразіе, какая бѣдность! А эти глухіе, захолустные города, какъ, напр., Зміевъ! Какіе это бѣдные культурные уголки! Это скорѣе большія деревни, чѣмъ города, какъ мы привыкли понимать послѣдніе, соединяя съ названіемъ города представленіе о центрѣ культурной жизни для извѣстной области. Внѣшняя обстановка—дома, улицы, площади—хорошій показатель того, что этой культуры въ нихъ мало. Когда же ты проснешься, деревенская Россія, и заживешь истинно культурной жизнью?»

Когда? По всей вѣроятности, пробужденіе деревенской Россіи произойдетъ тогда, когда у ней выработается своя интеллигенція, которая будетъ дорожить удобствами жизни и культивировать ихъ на мѣстѣ собственными силами.

Кое-какую опору представляетъ земство; но и эта опора очень скромная, какъ можно убѣдиться, напр., при разсмотрѣніи земской смѣты денежныхъ и натуральныхъ повинностей Ахтырскаго уѣзда. У меня подъ руками смѣта на 1898 г. Изъ общей суммы приходовъ и расходовъ въ 147 т. съ небольшимъ выдѣляются двѣ несомнѣнно производительныхъ статьи—на медицину 31 т. и школы 23 т. Затѣмъ слѣдуютъ цифры болѣе чѣмъ скромныя. Такъ, «на общія мѣры по распространенію образованія среди населенія» ассигновано всего сто рублей.

Тутъ и пособіе комиссіи народныхъ чтеній, и изданіе народныхъ книгъ, и устройство сельскихъ библіотекъ и пр. т. п. Есть еще интересная рубрика подъ заглавіемъ: «Расходы по содѣйствию экономическому благосостоянію». Тутъ на первомъ мѣстѣ стоитъ такая задача: «Мѣропріятія по улучшенію естественныхъ условій сельско-хозяйственной дѣятельности, регулированіе воднаго хозяйства, закрѣпленіе песковъ, искусственныя лѣсонасажденія, истребленіе вредныхъ насѣкомыхъ и пр.» Ассигновки 110 руб., сто десять рублей на весь уѣздъ! Оказывается, что по этой графѣ земство еще въ 1895 г. ассигновало 100 руб. на посадку шелуги для укрѣпленія песковъ и 10 руб. на вознагражденіе за истребленіе волковъ. Въ 1896 г. издержано изъ этой суммы всего 102 руб., такъ что получилось даже сбереженіе въ 8 руб. Можно подумать, что два рубля ушло на какого-нибудь послѣдняго сѣраго могикана. Далѣе идетъ цѣлый рядъ прекрасныхъ рубрикъ, учебныя и промышленныя мастерскія, склады кустарныхъ произведеній, выставки готовыхъ издѣлій, опытные поля, учебныя фермы, семянные хозяйства, питомники и проч. и проч.—и вездѣ стоитъ печальная черточка—, знакъ, что никакихъ ассигновокъ тутъ нѣтъ, и что всѣ эти прекрасныя рубрики представляютъ *ria desideria*.

При такомъ характерѣ смѣты невольно возникаетъ сожалѣніе о бѣдности земскихъ средствъ, сожалѣніе тѣмъ болѣе основательное, что земство, при всѣхъ его недочетахъ, представляется крупнымъ факторомъ народнаго развитія. Со стороны земства можетъ идти инициатива, которой нѣтъ въ самихъ селахъ, богатыхъ лишь мужиками. Со стороны земства, при всей его очевидной бѣдности, можетъ идти кое-какое матеріальное восполненіе въ настоятельно необходимомъ дѣлѣ улучшенія экономическаго благосостоянія.

Судя по краткому смѣтному исчисленію Ахтырскаго земства на окладныхъ листахъ на 1902 г., замѣтно улучшеніе, при чемъ кое-что выпадаетъ уже и на «содѣйствіе экономическому благосостоянію». Въ 1901 г. смѣта утверждена въ суммѣ 182049 р. 60 к., при чемъ сборовъ съ земель, лѣсовъ промышленныхъ заведеній и городскихъ недвижимыхъ имуществъ ожидается къ поступленію 116392 р. 44 к. остальная сумма 65952 р. 6 к. покрывается остатками отъ смѣтныхъ назначеній, сборами съ торговыхъ документовъ, судебными сборами и проч. Изъ суммы 182049 р. 60 к. имѣетъ быть употреблено:

- 1) на участіе въ расходахъ Правительственныхъ учреждений 16385 р. — к.
- 2) » содержаніе земскаго управленія 19943 » 59 »
- 3) » устройство и содержаніе мѣстъ заключенія . 793 » — »
- 4) » дорожную повинность 5841 » 96 »

5) на народное образованіе	38819 р. — к.
6) » общественное призрѣніе	2487 » 40 »
7) » медицинскую часть	45929 » 13 »
8) » ветеринарную часть	5320 » — »
9) » расходы по содѣйствию экономическому бла- госостоянію	9075 » — »
10) » уплату долговъ	900 » — »
11) » содержаніе принадлежащихъ земству недви- жимыхъ имуществъ	1363 » — »
12) » отчисленіе на образованіе оборотнаго и не- прикосновеннаго капиталовъ	27692 » 52 »
13) » образованіе запасной суммы	7500 » — »

VIII.

Набоечное мастерство.

Набойщики встрѣчаются въ разныхъ селахъ, малорусскихъ и великорусскихъ, но не въ большомъ числѣ, какъ послѣдніе могикианы исчезающаго промысла. Можно встрѣтить ихъ на ярмаркахъ, на базарахъ, гдѣ они подъ открытымъ небомъ набиваютъ за маленькое вознагражденіе нехитрые узоры на полотнѣ. Мы встрѣчали набойщиковъ въ Боромлѣ, въ Лебелінѣ. Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, значительное число набойщиковъ было въ с. Андреевкѣ Зміевского уѣзда. Въ 1880 г. здѣсь было всего двое, и по два въ Балаклеѣ, въ г. Зміевѣ *). Кромѣ набивки холста набойщики стараго времени производили еще торговлю набивнымъ холстомъ, развозили его по ярмаркамъ на своихъ повозкахъ. Теперь такая торговля прекратилась, и весь приход набойщика ограничивается задѣльной платой.

Набивной холстъ шелъ у малоруссовъ и великоруссовъ на штаны общеизвѣстнаго рисунка въ синія полосы или клѣточки; но въ послѣдніе годы большинство крестьянъ стали и въ этомъ отношеніи пользоваться дешевыми фабричными матеріями. Въ старое время набойки примѣнялись къ скатертямъ, простынямъ, къ бумажнымъ обоямъ; но всѣ эти производства совершенно исчезли, по невозможности конкурировать съ гораздо болѣе красивыми, разнообразными и дешевыми фабричными издѣліями. Нынѣ набойчатый холстъ идетъ только на штаны да на подкладку. Недостатокъ заработка побудилъ набойщиковъ обратиться къ другимъ болѣе прибыльнымъ занятіямъ.

*) *Мандрыкинъ*, въ Харьк. Вѣдом. 1880, № 398.

Каждый мастерь-набойщикъ есть въ то же время и рѣзчикъ узоръ на деревянныхъ доскахъ, на которыхъ производится набойка. Доска эта имѣетъ въ длину 14 вершковъ, въ ширину 12, а въ толщину вершокъ. Рисунки вырѣзаны на обѣихъ сторонахъ, такъ что на одной доскѣ можно печатать матерію лишь двумя узорами. Число рисунковъ не велико, 4, 6, 8, что предполагаетъ 2, 3, 4 доски. Названія (нынѣ въ Лебединѣ): полосатка, полосатка въ два смушка, горошекъ, квиточки. Самая набивка производится на обыкновенномъ столѣ. Успѣшность работы зависитъ отъ ловкости и усердія мастера. Въ день мастеръ можетъ выбить до 500 аршинъ холста. Набивка краски по доскѣ производится небольшими четверугольными подушечками, и затѣмъ холстъ нажимается по доскѣ каткомъ деревяннымъ съ утолщеніемъ въ серединѣ. Обычныя краски—лазурь и бѣлила. Въ старину, когда изготовлялись и обои, въ употребленіи были и другія краски. Краска готовится растиркой въ смѣси съ коноплянымъ масломъ. Мѣряютъ холстъ на локоть или на аршинъ. Плата очень устойчивая, еще въ 1880 году въ Зміевскомъ уѣздѣ за аршинъ платили 2 к., такъ нынѣ въ Лебединскомъ за локоть платятъ двѣ к., но, при сравнительномъ вздорожаніи жизни, очевидно, что въ этой маленькой платѣ скрывается одна изъ главныхъ причинъ прекращенія выбочнаго мастерства.

IX.

У гончаровъ.

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ почтенный изслѣдователь промысловъ Ахтырскаго уѣзда А. Д. Твердохлѣбовъ въ 3 выпускѣ «Трудовъ коммисіи по изслѣд. кустар. промысловъ Харьк. губ.» отмѣтилъ въ видѣ общаго заключенія, что «современный гончарь—бѣдненькій, большей частью приниженный мужичекъ, мало или вовсе безграмотный. Ни ростомъ онъ не взялъ, ни внѣшностью не выглядитъ. На видъ не больной, но и не совсѣмъ здоровый. Многіе жалуются на ревматизмъ, на отекъ ногъ; «чадѣмо часто и въ хати, и въ глинищи», говорятъ гончары, «отъ свинцу иноди становятся у роти тисненько»... Съ тѣхъ поръ гончары не выросли, не разбогатѣли и не вошли въ силу и здоровье. И теперь они, за единичными исключеніями, выглядываютъ и бѣдненькими, и приниженными, въ особенности боромлянскій гончарь, къ которому собственно и относились приведенныя слова г. Твердохлѣбова. Я ознакомился съ гончарами во многихъ пунктахъ и вполнѣ зажиточнаго нашелъ только одного, да и тотъ въ послѣднее время занимался болѣе каменщицкими подрадами, чѣмъ собственно гончарнымъ промысломъ. Только у этого

хозяина я нашел хорошее, вполне благоустроенное подворье, съ двумя большими горнами, съ особымъ помѣщеніемъ для просушки сырой посуды. У громаднаго большинства горшки выдѣлываются и сушатся въ общемъ жиломъ помѣщеніи, что поддерживаетъ постоянную сырость, отъ которой страдаютъ не только живущіе въ хатѣ, но и самыя хаты.

Г. Твердохлѣбовъ упадокъ гончарнаго промысла объясняетъ вздорожаніемъ топлива и пророчить переходъ гончаровъ къ печнымъ и кирпичнымъ работамъ. Пророчество это въ значительной степени оправдалось. Въ особенности замѣтенъ упадокъ гончарнаго промысла въ Ахтыркѣ, и число гончаровъ уменьшилось, и производство стало весьма однообразнымъ, въ интересахъ удовлетворенія лишь элементарной потребности въ посудѣ.

Упадокъ гончарнаго промысла идетъ рука объ руку съ упадкомъ въ народѣ художественныхъ интересовъ. Въ самой природѣ оскудѣли художественные элементы; рѣки обмелѣли; лѣса вырублены. Одновременно въ быту все художественное пошло на убыль и исчезло, напримѣръ, старыя живописные костюмы, писанки, вышивки, мережки, пѣсни. Произошло почти полное опустошеніе народной эстетики. Можно проѣхать цѣлыя улицы, нигдѣ не встрѣтивъ ни малѣйшихъ слѣдовъ рѣзьбы по дереву или раскраски, чего-либо орнаментированнаго или приукрашеннаго. Въ немногихъ мѣстахъ и немногіе предметы сохранили еще черты старинныхъ эстетическихъ требованій. Старинные гончари выпускали иногда замысловатыя и красивыя издѣлія, напримѣръ, свадебныя графины со львами, рюмки-тройчатки и прочія т. п.; но нынѣ такіе предметы уже не въ ходу: выдѣлкой ихъ никто не занимается. Горшокъ вездѣ принялъ однообразный видъ; лишь у одного гончара въ Сумахъ мы встрѣтили украшеніе боковыхъ сторонъ красивыми полосками. Глечикъ также обезличился; но въ Межиричѣ по желтому фону проводятъ еще бѣлую каемку, да въ Котельвѣ даютъ красивую геометрическую орнаментацію, отчасти напоминающую древнеклассическія формы. Рынки, жаровни, банки совершенно безличны. Однѣ лишь миски мѣстами удержали орнаментацію по поливу. Наиболѣе красивымъ поливомъ (глазурь) и разнообразными украшеніями растительнаго и животнаго типовъ отличаются миски гончаровъ маленькаго села Млинки подъ Котельвой (гончаръ Ѳеодоръ Гайдара).

Гончарныя издѣлія ахтырцевъ и боромлянъ однообразны и грубы. Въ настоящее время пальма первенства въ этомъ отношеніи принадлежитъ котелевцамъ. Въ базарные дни въ Котельвѣ, на площади, красуются ряды разнообразныхъ гончарныхъ издѣлій, въ одномъ мѣстѣ желтыя, въ другомъ сѣрыя, дымчатая, въ третьемъ исключительно синеватаго цвета съ разнообразной гладкой и сравнительно довольно чистой глазурью.

Выборъ большой. Тутъ можно найти и вазочки для цвѣтовъ, и банки для варенья по ничтожной цѣнѣ.

Повсемѣстно еще удерживаются старыя названія. Золильниками называются самые большіе горшки, замѣняшіе въ старину чугуны при заливкѣ бѣлья въ жлуктахъ. Далѣе идутъ, постепенно уменьшаясь, пидворотень, плоскунъ, стовбунъ, пидворотневое горщатко и махиточка. Размѣръ приблизительно такой, что въ золильникъ входитъ около ведра воды, а въ махиточку одинъ или два стакана. Въмѣсто того дѣленія мисокъ по величинѣ, которое отмѣчено было А. Д. Твердохлѣбовымъ въ Котельвѣ, 15 лѣтъ тому назадъ (простая—мелкая, шленка—средняя и полька—глубокая), мы встрѣтили новыя—простая большая миска, двойничекъ, тройничекъ, четверничекъ и пятеричекъ (въ пять разъ меньше). Мѣстами возникли новые термины, напримѣръ, въ Боромлѣ названіе «широканчикъ» для небольшого широкаго горшечка.

Внѣшняя обстановка быта гончара осталась прежняя, описанная уже г. Твердохлѣбовымъ. Хата обыкновенная, мужичья. Столъ, лавы, пиль, полыця, мысникъ, гончарный кругъ—вотъ и вся ихъ мебелировка. На покути иконы; на стѣнахъ лубочныя картины или зеркальце, завѣшанное рушникомъ. Окна плохо освѣщаютъ хату. Глина и просыхающая посуда сообщаютъ комнатному воздуху тяжелый, удушливый запахъ; сырой земляной полъ понижаетъ температуру. Работа нечистая. Гончаръ кладетъ на кругъ кусокъ сырой смоченной глины, при чемъ грязныя руки тутъ же обтираетъ о свою холщевую нижнюю одежду, которая въ теченіе нѣсколькихъ часовъ дѣлается совершенно мокрой и глинистой. При такой житейской обстановкѣ процентъ смертности въ семействахъ гончаровъ превышаетъ обычную норму. Особенно вредное вліяніе оказываетъ традиціонное приготовленіе полива безъ предохранительныхъ мѣръ. На поливо при всѣхъ окраскахъ идетъ свинецъ, расплавленный въ комнатной или горновой печи, и затѣмъ, послѣ просушки, обращенный въ мелкій порошокъ. Такимъ порошокомъ осыпаютъ вымазанную дегтемъ внутренность посуды. Вдыханіе свинцовой пыли вредно дѣйствуетъ на организмъ. Гончары жалуются на онѣмѣніе пальцевъ, отеки въ ногахъ, головную боль, одышку. Уже А. Д. Твердохлѣбовъ отмѣтилъ эту невыгодную сторону гончарнаго промысла. Одновременно профессоръ И. П. Сокальскій въ «Статист. Листкѣ» рекомендовалъ ту простую предосторожность, какую усвоилъ одинъ старый гончаръ Купянскаго уѣзда: дыханіе черезъ губку, прикрывающую носъ и губы. «Передаемъ этотъ фактъ къ общему свѣдѣнію, писалъ И. П. Сокальскій. Можетъ быть, эта испытанная мѣра предосторожности распространится между гончарами и спасетъ кому-нибудь жизнь». Увы! отъ малоизвѣстнаго «Ста-

тистическаго Листка» до «общаго свѣдѣнія» оказалась дистанція огромнаго размѣра, и мы нигдѣ не нашли указаній, чтобы добрые совѣты доброжелательныхъ изслѣдователей гончарнаго промысла дошли по назначенію.

Если не считать вырабатываемыхъ въ Ахтыркѣ игрушекъ дѣтскихъ кувшинчиковъ и горшечковъ,—пористыхъ издѣлій нигдѣ нѣтъ, и спроса на нихъ, очевидно, ни малѣйшаго. Пористые кувшины имѣютъ то удобство въ лѣтнее время, что вода въ нихъ всегда холодная. Пористость понижаетъ температуру находящейся внутри сосуда жидкости на нѣсколько градусовъ (около 5°) ниже окружающаго воздуха. Въ нѣкоторыхъ жаркихъ странахъ, напримѣръ въ Египтѣ, пористые кувшины выдѣлываются на заводахъ, при чемъ пористость достигается посредствомъ примѣси къ глинѣ золы.

Особое положеніе среди гончаровъ Харьковской губерніи по широкой популярности занимаетъ Федоръ Романовичъ Падалка въ Межиричѣ, Лебединскаго уѣзда. Произведенія его фигурировали на многихъ выставкахъ. Въ Лебединѣ и въ Сумахъ ихъ можно встрѣтить во многихъ домахъ въ числѣ предметовъ украшенія. Среди окрестнаго крестьянства имя Падалки также хорошо извѣстно, какъ имя хорошаго гончара, но произведенія его, по дороговизнѣ и неприспособленности, не идутъ въ народную массу, и среди гончаровъ не вызываютъ подражанія.

Межиричъ—большая живописная слобода вблизи Псла—тянется узкой полосой у цѣпи прирѣчныхъ горъ, раскрашенныхъ прослойками разноцвѣтныхъ песковъ. Чѣмъ ближе къ Лебедину тѣмъ горы становятся красивѣе, по вышинѣ и яркости красокъ. Издали Межиричъ очень красивъ. Село растянулось на много верстъ, мѣстами виднѣются бѣлыя клѣтки песку, мѣстами выступаютъ красноватыя скалы горъ или зеленые сады. Въ срединѣ села находится довольно большой холмъ, раздѣляющій село на два конца, сѣверный и южный. На этомъ холмѣ стоитъ церковь и базарныя лавки. Матеріаль получается на мѣстѣ, и матеріаль хорошій. Жилище Падалки находится въ концѣ села. Издали виднѣется бѣловатая скатерть песку; къ дому Падалки приходится подъѣзжать по песку; тѣмъ болѣе странное и непріятное впечатлѣніе получается, когда вдругъ изъ-за угла открывается среди песковъ множество большихъ черныхъ кладбищенскихъ крестовъ. Подворье Падалки почему то находится на кладбищѣ. Постройки неважныя—небольшой домикъ, гдѣ живетъ семья Падалки и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ сушится сырая посуда, покрытъ желѣзомъ; амбарчикъ и сарай покрыты черепицей. Подворье небольшое и, въ общемъ, бѣдное, тѣмъ болѣе бѣдное, что у Падалки оказывается гончарная школа. Слышали мы ранѣе объ этой школѣ и ожидали найти нѣчто достаточно

благоустроенное, но изъ осмотра на мѣстѣ и распросовъ самого Падалки оказалось, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ существованія «школы» полный курсъ ученія окончилъ всего одинъ ученикъ, и нынѣ въ обученіи состоитъ всего два ученика, изъ которыхъ одинъ, парень лѣтъ 15, былъ налицо. Школа, очевидно, неважная, и большихъ отъ нея плодприношеній ждать нельзя. А между тѣмъ,—Падалка—человѣкъ уже пожилой, около 50 лѣтъ, болѣзненный, и опытъ его личной жизни могъ бы пригодиться, тѣмъ болѣе, что это человѣкъ съ искрой, съ художественнымъ вкусомъ. Съ любовью относясь къ дѣлу, онъ охотно давалъ объясненія и въ этомъ отношеніи пріятно выдѣлялся изъ массы гончаровъ, которые смотрять на свое ремесло безнадежно и уныло. Бодрому настроенію Падалки помогло просвѣщенное къ нему вниманіе и содѣйствіе графини В. В. Капнисть. Межиричъ находится въ 4 верстахъ отъ имѣнія гр. В. А. Капниста—Михайловки—одного изъ самыхъ живописныхъ уголковъ Харьковской губерніи. Графиня В. В. Капнисть опѣнила художественныя наклонности скромнаго и простаго гончара и поддержала его совѣтами, указаніями и образцами. Многія вещи сдѣланы по моделямъ графини. Показывая мнѣ въ складѣ свои произведенія, Падалка такъ и дѣлилъ ихъ на два разряда—«це отъ моего ума, а це графинины». Отъ «моего ума»—обыкновенныя, простыя издѣлія, кувшины, курушки (для ладана), горшки и проч. т. п. «Графинины»—изящныя поливянныя цвѣточники въ видѣ дельфина, подсвѣчники-лебеди, пепельницы-драконы и проч. т. п. Издѣлія Падалки отъ своего ума также носятъ отпечатокъ изящнаго вкуса, такъ; на примѣръ, кувшинамъ дана хорошая закругленная форма, на горлышкахъ положены простыя, но изящныя полоски. Цѣна этимъ вещамъ дешевая; но, переходя къ издѣліямъ, внушеннымъ графиней, Падалка сразу съ копѣекъ переходитъ на рубли и разцѣниваетъ эти предметы очень дорого, что, впрочемъ, нельзя ставить ему въ вину, такъ какъ ему самому такія изысканныя вещи обходятся дорого при простой обычной обстановкѣ его работы. Какъ ни хороши нѣкоторыя привеллигированныя издѣлія Падалки, все-таки нужно признать, что они не могутъ выдержать конкуренціи съ широко поставленнымъ фабричнымъ производствомъ. По чистотѣ глазури и по сравнительной дешевизнѣ фабрика обгоняетъ и подавляетъ.

Курьезно, что въ Межиричѣ у Падалки, да и въ другихъ мѣстахъ, на примѣръ, у боромлянскихъ гончаровъ, на кувшинахъ всегда начерчивается маленькій крестикъ. На другихъ гончарныхъ издѣліяхъ крестиковъ не дѣлаютъ. Обычай писать крестики на кувшинахъ обусловленъ базарнымъ спросомъ. Такіе кувшины охотно раскупаются бабами, которыя въ крестикъ усматриваютъ талисманъ отъ порчи молока вѣдьмами. Среди

густого облака суевѣрій, облегающаго крестьянъ, повѣрья о вѣдмахъ держатся чрезвычайно прочно, и всякая порча молока нынѣ, какъ и встарину, объясняется тѣмъ, что «видьма походила».

Много интересныхъ гончарныхъ издѣлій стараго времени исчезло безъ слѣда и памяти, не находя опоры въ спросѣ со стороны крестьянъ, ослабѣвшихъ въ экономическомъ и эстетическомъ отношеніяхъ.

Лѣтъ 15 назадъ на базарахъ и ярмаркахъ можно было еще найти, такъ называемые, куманцы, поливные кувшины характерной формы, плоскіе, съ отверстіемъ въ серединѣ; жидкость помѣщалась въ окружающемъ отверстіе кольцо сосуда—красиво и оригинально. Теперь такихъ кувшиновъ не работаютъ.

Тутъ кстати можно припомнить интересную «откупную» кубышку на харьковской сельско-хозяйственной выставкѣ 1880 года. Доставлена она была изъ Мерефы. Въ кубышкѣ два отверстія и два помѣщенія; одно изъ отверстій (въ обыкновенномъ мѣстѣ) имѣетъ связь съ помѣщеніемъ, предназначаемымъ для воды (въ размѣрѣ 1-го стакана); другое—(боковое, потайное, невидное, подъ ухомъ кубышки) имѣетъ связь съ помѣщеніемъ, въ которое можетъ быть налито до 3 стакановъ водки. Единственный экземпляръ, оставшійся отъ того давнопрошедшаго времени, когда—до вѣзда въ городъ—нужно было подвергаться осмотру объѣзчиковъ на заставахъ, устраиваемыхъ винными откупщиками. Боковое отверстіе (подъ ухомъ кубышки) затыкалось пробкою и замазывалось глиною. Изъ главнаго отверстія, при осмотрѣ на заставѣ кубышки, лилась чистая вода. Интересный образчикъ почти дѣтской хитрости для обхода закона въ прежнее время,—передъ которымъ хитрости нашего времени—положительно грандіозная работа.

Интересны еще вышедшія изъ употребленія глиняныя тройныя свадебныя рюмки, связанныя между собой полымъ ободочкомъ. Во всѣ три рюмки наливалась водка, а свадебный гость всѣ ихъ тянулъ изъ одной.

Интересны далѣе старинныя свадебныя гончарныя львы, служившіе одновременно подсвѣчниками и графинами.

Все это теперь повывелось и безслѣдно исчезло. Богатые люди обзавелись фабричными издѣліями, а бѣдные сократили свои эстетическіе вкусы почти до полного ихъ упраздненія.

Х.

На ярмаркѣ

Полвѣка назадъ талантливый изслѣдователь украинскихъ ярмарокъ, извѣстный впослѣдствіи публицистъ И. С. Аксаковъ далъ мастерскую характеристику великорусскихъ и малорусскихъ купцовъ. Съ тѣхъ поръ

многое измѣнилось, и въ изслѣдованіи Аксакова многое устарѣло; но нѣкоторыя общія черты въ его отзывѣхъ и сужденіяхъ объ украинскомъ купечествѣ сохраняютъ еще свѣжесть и правдивость.

Аксаковъ считаетъ великорусское купечество не только болѣе подвижнымъ, но и болѣе щедрымъ и тароватымъ. „Великорусскій купецъ, по его словамъ, страннымъ образомъ соединяетъ въ себѣ жадность къ деньгамъ съ расположеніемъ къ мотовству. Онъ стремится доставить себѣ разныя удобства и пріятности жизни, разумѣется съ купеческой точки зрѣнія, на примѣръ, любить щеголять лошадьми, упряжью, экипажемъ, большой охотникъ строить дома *). Въ гульбѣ, подъ пьяную руку, онъ бываетъ иногда очень щедрымъ. Этой черты нѣтъ въ купцѣ малороссійскомъ. Его бережливость похожа на скардность; богатый не только не выставляетъ на видъ своего богатства, но прикидывается бѣднякомъ и, вообще, не склоненъ къ благотворительности“. Въ теченіе полувѣка малорусскіе торговцы умножились и разбогатѣли, но, повидимому, въ этомъ отзывѣ Аксакова сохранило основаніе его замѣчаніе о слабости благотворительности. И въ настоящее время сельская буржуазія, за рѣдкими исключеніями, щедростью не отличается; она не доросла до идеи общественнаго служенія. Въ узкомъ эгоизмѣ она свысока смотритъ на простаго крестьянина и пускаетъ въ ходъ примитивныя формы личной наживы.

Аксаковъ, по личнымъ наблюденіямъ, отмѣтилъ хорошую черту стараго украинскаго торговца изъ простыхъ крестьянъ—почти полное отсутствіе запроса: «малороссіянинъ почти никогда не торгуется, а держится при продажѣ одной опредѣленной цѣны, которая разумѣется, условливается торговыми обстоятельствами, но большей частью назначается съ честной умѣренностью. Что стоитъ (такая то вещь)? спрашиваетъ покупатель. «Тридцать шагивъ»—отвѣчаетъ флегматически, сидя, малороссіянинъ. «Бери гривенникъ!» спускаетъ круто покупатель великороссъ, привыкшій торговаться. «И то гроши», спокойно отвѣчаетъ малороссъ и отворачивается въ сторону». Такъ рисуетъ Аксаковъ старый торгъ, и теперь такая обрисовка не потеряла бытового значенія, но исключительно въ приложеніи къ первому производителю, къ кустарю. Настоящіе торговцы-посредники усвоили уже другой тонъ, болѣе развязный, съ запросами и обходцами, по обычному кулацкому типу.

При несомнѣнномъ и очевидномъ кулацкомъ построеніи сельской буржуазіи начинается просвѣчиваніе одна симпатичная черта—стремленіе дать дѣтямъ образованіе. Въ приложеніи къ сыновьямъ прогрессивное и очищающее начало знанія часто заглушается кулацкими наклонностями:

*) Позднѣе купечество, въ особенности московское, стало выдвигаться на поприщѣ просвѣщенія и меценатства. Примѣч. авт.

наторѣлые въ грамотѣ сынки быстро обгоняютъ своихъ отцовъ по безнравственной приспособляемости къ мѣстнымъ источникамъ эксплуатаціи и наживы. Въ смыслѣ нравственной культуры болѣе надеждъ даетъ женское образованіе. Выдвигающіяся изъ сельской буржуазіи образованныя дѣвушки поддерживаютъ спросъ на книжку и живой интересъ къ народному театру.

Село имѣетъ свои рынки; въ большихъ селахъ бываютъ ежедневно базары, кромѣ воскресныхъ дней, при чемъ наибольшей оживленностью отличаются осенніе, по сборѣ продуктовъ, въ сентябрѣ, и наименьшей—лѣтніе, въ жнива, когда масса народная отвлечена полевыми работами.

Чуть ли не во всѣхъ селахъ бываютъ ярмарки, большей частью въ храмовые праздники, въ маленькихъ селахъ по одной въ году, въ большихъ 2, 3 или 4 ярмарки въ году, въ маломъ видѣ однодневныя, въ крупномъ масштабѣ двухъ и трехдневныя. Въ громадномъ большинствѣ сельскія ярмарки ничтожны. На храмовой площади или на выгонѣ разбивается нѣсколько легкихъ палатокъ; торгъ идетъ три—четыре часа, и затѣмъ все убирается, и къ вечеру отъ утренней толпы не остается никакихъ слѣдовъ, кромѣ кучи ярмарочнаго сора. Но и эти эфемерныя ярмарки вносятъ въ крайне однообразную сельскую жизнь оживленіе. Ярмарка для крестьянина своего рода клубъ, гдѣ онъ присматривается къ людямъ. На ярмаркахъ отчасти поддерживаются общественныя связи и знакомства съ мѣстными экономическими условіями. Крестьянинъ идетъ на ярмарку не только, чтобы купить или продать, но и развлечься.

Большія ярмарки заслуживаютъ особаго изученія, какъ показатели мѣстныхъ экономическихъ и социальнo-этнологическихъ отношеній. Тутъ можно уже прослѣдить районы культурныхъ или экономическихъ связей.

Мы для изученія взяли одну маленькую ярмарку, полудневную, какъ *mini-mum*, и другую большую трехдневную, въ видѣ ярмарочнаго *maxi-mum*'а. Первая, по своей ничтожности, ничего не дала, кромѣ общаго знакомства съ мѣстными костюмами и типами; вторая оказалась болѣе интересной. Мы думаемъ, что описаніе отдѣльныхъ большихъ ярмарокъ, съ числовыми данными, кромѣ общаго значенія по опредѣленію размѣра ярмарочныхъ оборотовъ, послужитъ еще къ выясненію тѣхъ условій, которыя такъ или иначе отзываются на развитіи благосостоянія народа и края.

Петропавловская ярмарка въ Боромлѣ тянется три дня, съ 27 по 29 іюня; 27 идетъ расташовка, 28—торгъ скотомъ, 29 всѣмъ прочимъ, преимущественно мануфактурными издѣліями.

На скотской ярмаркѣ въ пролажу идетъ преимущественно мѣстный мелкій скотъ и мѣстныя маленькія, слабосильныя лошади. Крестьяне часто продаютъ или перепродаютъ лошадей безъ всякой надобности. Посредниками являются цыгане, обычные конскіе барышники. Въ полномъ ходу

могарычи, хлопанье по рукамъ, продажа черезъ полу. Распиваніе могарычей обязательно, что выразилось въ утрированной народной поговоркѣ: «старцы мыльцами (т. е. нищіе костылями) мѣнялись, та й то три дни могарычъ пылы».

Въ распредѣленіи товаровъ замѣтна разумная послѣдовательность и планомѣрность. Въ одномъ ряду идутъ гончарныя издѣлія, окна, фабричная посуда, иконы, бакалейныя лавки, чайныя, въ другомъ мануфактура, галантерея, картузы, обувь, въ третьемъ издѣлія изъ дерева, колеса, дуги, скрины и т. д. На окраинѣ черный товаръ, деготь и рыба.

Въ значеніи увеселительномъ иногда появляются странствующие гимнасты или простонародная комедія; но это рѣдко. Обычное развлеченіе—чай, слѣпцы лирники и слѣпой музыкантъ на фисъ-гармоніи.

Экономическія отношенія опредѣляются названіями тѣхъ городовъ, откуда привозятся товары. Боромля лежитъ въ треугольникѣ между Сумами, Ахтыркой и Лебединомъ, почти въ равномъ разстояніи отъ всѣхъ трехъ, около 40 верстъ, и главными поставщиками ярмарочныхъ товаровъ являются эти города. Но навѣзжаютъ и болѣе отдаленные торговцы, напримѣръ, изъ Борисовскаго монастыря пріѣзжаютъ торговцы иконами, изъ Груни, Полтавской губ., стекольщики, изъ Мирополя и Борисовки продавцы ружниковъ, изъ Бѣловодска, Старобѣльскаго уѣзда, платошницы. Любопытно, что изъ великорусскаго с. Козлей, Львовскаго уѣзда, появляются продавцы глиняныхъ свистуновъ; съ такимъ скромнымъ товаромъ они разѣзжаютъ по всей Малороссіи и Новороссіи, спускаются къ Одессѣ (товару у торговца одинъ возъ), продается здѣсь остатокъ съ возомъ и лошадыю, и затѣмъ торговецъ возвращается на родину въ Курскую губернію по желѣзной дорогѣ. Свистуны изъ хорошей глины, бѣлые, съ красной и синей раскраской, представляютъ большей частью всадниковъ и птичекъ и даютъ сильный звукъ.

Показателемъ экономическаго положенія края служатъ количество и качество привозимаго на ярмарки товара. Такъ, въ данномъ примѣрѣ на первое мѣсто выступаетъ московская мануфактура, представляемая мелкими мѣстными и пріѣзжими, преимущественно лебединскими торговцами. Цѣлыхъ 25 балагановъ съ товаромъ на сумму всего около 35.000 р. Количество большое, по размѣрамъ ярмарки, въ зависимости отъ большаго мѣстнаго спроса. Старая прочная самодѣльщина исчезла и въ ходъ пошло все покупное.

Второй по количеству привоза ярмарочный товаръ—кожи въ сыромъ видѣ и обувь, всего 40 навѣсовъ, на сумму около 8,000 руб. общей стоимости. Обувь однообразная, обыкновенные черныя сапоги-чоботы и башмаки-черевики. Въ Котельвѣ на базарѣ еще можно найти

«чернобривцы» — сапоги съ зелеными или красными голенищами (халявами) и черными головками. Но въ Боромлѣ и на ярмаркѣ такихъ сапогъ не бываетъ. Еще рѣже сапоги съ халявами изъ желтаго сафьяна. Сапоги съ красными головками, такъ называемые, «сапьянцы», совсѣмъ вышли изъ употребленія, да и «чернобривцы», очевидно, доживаютъ послѣдніе дни.

Мужскіе картузы и женскіе платки представлены почти одинаково: 16 балагановъ съ шапками и картузами на сумму около 2,000 руб. и 15 узловъ съ платками на сумму тоже около 2,000 руб. и тѣ и другіе привозные. Старинные мужскіе брыли (соломенные шляпы) и старинные женскіе парчевые очипки совсѣмъ вышли изъ употребленія и изъ продажи. Въ 60-хъ годахъ въ Ахтырщинѣ еще ходили лѣтомъ въ брыляхъ, какъ видно изъ одной статьи въ «Основѣ» 1862 г. На осеннихъ ярмаркахъ еще появляются въ продажѣ выходящія изъ употребленія теплыя шапки-капелюхи съ мѣховыми наушниками, которые въ теплое время поднимаются и шнуркомъ связываются поверхъ шапки. Развозятъ ихъ по ярмаркамъ ахтырскіе шапочники.

Не перечисляя всѣхъ товаровъ въ подробности, что сдѣлано нами въ особой таблицѣ для выставки, здѣсь отмѣтимъ только то, что выражаетъ эволюцію народныхъ промысловъ.

Стекольщиковъ съ готовыми окнами 6 воевъ, при чемъ растворчатая окна начинаютъ вытѣснять подъемныя.

Скрыни и сундуки доставляются кустарями изъ Сыроватки, Сумского уѣзда, и изъ Котельвы, Ахтырскаго уѣзда. Простая бѣлая скрыня на ножкахъ вышла изъ употребленія. На пути къ полному исчезновенію стоитъ большая котелевская скрыня синей раскраски съ цвѣтами. Ихъ вытѣсняетъ модный желтый сундукъ на колесахъ, подражаніе комоду.

Съ иконами 5 лавокъ; въ каждой лавкѣ отъ 50 до 70 паръ по 1 р. 50 к. за пару, шаблоннаго ахтырскаго и борисовскаго письма. Изрѣдка попадаются неудачныя попытки на оригинальность, но сельское духовенство, при содѣйствіи полицейской власти, немедленно устраняетъ все то, что выходитъ изъ предѣловъ общепринятаго иконописанія.

Оставляя въ сторонѣ скромныя балаганы посудные, галантерейныя, бакалейныя, скобяныя и др. т. п., проходя мимо многочисленныхъ навѣсовъ съ чернымъ товаромъ и рыбой, нельзя не остановиться передъ веселенькими навѣсами съ рушниками. Всѣхъ навѣсовъ 6; въ каждомъ товару отъ 300 до 500 руб. Рушникъ играетъ важную роль въ жизни народа, какъ украшеніе, какъ обрядная обстановка. Есть рушники простые и рушники «килковые», большіе, которые вѣшаютъ у иконъ или вокругъ зеркала на колочкѣ, откуда и названіе «килковые». Простой

килковый рушник домашней работы можно купить за рубль, средняго достоинства—кролевецкій или борисовскій, тканый, за 3 р. 50 к.; встрѣчаются еще изрѣдка изящно вышитые гарусомъ и шелками старинные рушники; но такіе, какъ рѣдкость, на ярмарку не попадаютъ. Рушникъ—необходимая обстановка свадьбы; рушниками перевязываютъ сватовъ, дарятъ гостямъ, оборачиваютъ коровой и т. д. Во время похоронъ также употребляется рушникъ. Когда хоронятъ дѣвушку или молодую женщину, крестъ перевязываютъ рушникомъ. Рушники этого рода идутъ въ пользу церкви. Когда ихъ накапливается много, ихъ продаютъ по 15 коп. за аршинъ. Ярмарочные торговцы рушниками принимаютъ у крестьянъ холсты для отдѣлки на рушники безъ росписокъ или обязательствъ и черезъ годъ на новую ярмарку доставляютъ заказъ.

Въ текущемъ году было 75 возовъ съ колесами изъ Чернетчины и Сироватки; боромлянскіе крестьяне предпочитаютъ покупать колеса на ярмаркѣ въ Буймерахъ, Лебединскаго уѣзда, считая ихъ болѣе прочными.

Всѣ торговцы платятъ налогъ за мѣсто или отъ воза, отъ 10 коп. (гончари, колесники) до 3 руб. (мануфактура и чайныя), большею частью коп. 20 или 30.

Есть на ярмаркахъ всякіе товары и нѣтъ только одного — книги. Странное дѣло, въ селахъ теперь есть и школы, и читальни, значить есть грамотные люди, а книжки купить негдѣ, тѣмъ болѣе странное, что еще въ 1862 г. была сдѣлана попытка распространенія книги на ярмаркѣ. Имѣемъ въ виду статью Гавриша въ «Основѣ» 1862 г. Доброжелательный народникъ, изъ студентовъ харьковскаго университета, съ разрѣшенія начальства, употребилъ пять дней на ярмарочную торговлю книгами, два дня въ Каплуновкѣ, гдѣ продано было имъ книгъ на 12 р., и 3 дня въ Ахтыркѣ, гдѣ продано на 17 р. 20 коп. Торгъ, очевидно, неважный; но и подборъ книгъ былъ слишкомъ односторонній, и выбрать, при тогдашней бѣдности народно-просвѣтительной литературы, было трудно, наконецъ, импровизированный интеллигентный торговецъ отвлекался разными посторонними наблюденіями и засматривался на деревенскихъ красавицъ, при чемъ одну описалъ такъ: «що за гарна! чорнявенька, кароока, кругловыденька, чернобрывенька, тришки кирпатенька, губки и зубки гарнесеньки; поглядь якъ искра, голосокъ тихій, співучій, любенькій».

Въ настоящее сухое, прозаическое время, не вдаваясь въ такія нѣжности, можно было бы организовать книжную торговлю на болѣе практическихъ началахъ, навѣрно, съ большимъ коммерческимъ интересомъ и съ пользой для просвѣщенія, если преслѣдовать широкія просвѣтительныя цѣли, пуская въ продажу лучшія народныя изданія.

Въ этнографическомъ отношеніи ярмарки даютъ мало матеріала, и даваемый ими матеріалъ крайне пестрый, ненадежный и непрочный. На сельскія ярмарки свозятъ товаръ изъ ближайшихъ торговыхъ центровъ, товаръ большей частью завалящій и бракованный. Здѣсь много искусственнаго и сборнаго; часто нѣтъ того, что характерно для мѣстности, для села, что скромно скрывается отъ большой толпы. Ярмарка получаетъ тогда серьезное этнографическое значеніе когда она служитъ предметомъ изученія изъ года въ годъ, когда является возможность прослѣдить колебанія цѣнъ, спроса и предложенія въ связи съ общими и мѣстными бытовыми условіями.

Интеллигентное доброжелательство немногое можетъ взять съ ярмарки; но многое можетъ ей дать. Ярмарками можно воспользоваться для распространенія знаній, для выставки и продажи образцовыхъ кустарныхъ издѣлій, для сельско-хозяйственныхъ улучшеній. Большую пользу и удовольствіе могли бы принести подвижныя образовательныя панорамы, передвижныя выставки и музеи. И маленькія организаціи этого рода въ селѣ были бы встрѣчены съ радостью и внесли бы въ захолустья большое оживленіе. Выставка, музей — громкія названія, но, примѣняясь къ скромнымъ сельскимъ условіямъ, эти учрежденія на первое время могли бы ограничиться небольшимъ количествомъ наглядныхъ пособій и коллекцій, немногими лучшими русскими и заграничными изданіями религіознаго, историческаго и бытового содержанія, портретами великихъ людей, моделями и картинами по географіи, ботаникѣ и зоологіи. Крестьяне очень любятъ картинки, а теперь даже среди русскихъ изданій стали появляться хорошія вещи, напр., дешевыя хромофотографіи съ картинъ Рафаэля, Леонардо да Винчи, Дольчи, Бруни. Во всякомъ случаѣ, въ будущемъ передвижные музеи найдутъ ходъ и въ села, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, тѣмъ большій размахъ получить то громадное колесо народнаго просвѣщенія, на которое теперь возлагаются большія надежды, которое должно перемолоть народныя бѣдствія и выработать общее благоустройство.

XI.

Л а с о щ и.

По сельской мѣркѣ ласощами являются «кныши, вареныки и всяки лагоминки*) (Гребенка), равно какъ:

Буханчыкы пшеничны билы,

Кислицы, ягоды, коржи

И всяки разны вытребенъки.— (*Котляревскій*).

*) Лагоминки или легоминки отъ франц. legumes—зелень, овощи.

Во «всякихъ разныхъ вытребенькахъ» чувствуется потребность на всѣхъ стадіяхъ культуры. Вездѣ человѣкъ стремится усладить чѣмъ-нибудь свою бѣдную жизнь и внести разнообразіе въ свое скучное повседневное существованіе. Съ праздниками повсемѣстно связаны разные лакомства, большія или маленькія, въ зависимости отъ средствъ, отъ вкусовъ и привычекъ. Каждый народъ, каждый человѣкъ въ частности понимаетъ лакомство по своему. Извѣстенъ анекдотъ о пастухѣ-малороссѣ, который высшимъ счастьемъ считалъ такое состояніе, когда можно всегда ѣсть сало. Свиное сало для малоросса лучшее лакомство, сало хорошее, въ бѣломъ кускѣ или въ красивыхъ ломтикахъ. Ступенью ниже, у индѣйцевъ сѣверо-западной Америки и у эскимосовъ, большимъ лакомствомъ считается китовый и тюлений жиръ, въ особенности въ началѣ разложенія. Извѣстны картинки пиршества дикихъ народовъ на выброшенномъ моремъ китѣ. Люди, какъ насѣкомыя, облѣпливаютъ мертвое чудовище, устраиваютъ въ немъ углубленіе, цѣлыми семьями вползаютъ въ трупъ и съ жадностью поглощаютъ сырое мясо и сало. Далѣе внизъ отъ такого лакомства, кажется, нельзя идти; но сравнительное народовѣдѣніе открываетъ еще болѣе низменные вкусы, еще болѣе своеобразныя лакомства. Такъ, тагалы на Филиппинахъ любятъ насиженные яйца; африканскіе бушмены съ удовольствіемъ поѣдаютъ червей, гусеницъ, ящерицъ, змѣй, даже такихъ змѣй, отъ которыхъ, говорятъ, заимствуютъ ядъ для отравы стрѣлъ. На нѣкоторыхъ островахъ Великаго океана откармливаютъ собакъ для угощенія знатныхъ лицъ; употребляютъ ихъ въ пищу лишь въ торжественныхъ случаяхъ. Нѣкоторые народы ѣдятъ, какъ лакомство, землю, — крайній предѣлъ, далѣе котораго внизъ нельзя идти. Новогвинейцы поглощаютъ большія количества зеленоватаго жировика. Новокаледонцы изъ особой глины, содержащей магнезію и желѣзо, готовятъ пирожки, которые, подсушивъ, сохраняютъ просверленными на веревкѣ.

Начиная отъ такихъ грубыхъ лакомствъ, человѣчество съ ходомъ цивилизаціи поднималось все выше. Древніе классическіе народы знали уже изысканныя яства и тонкія лакомства. Специалисты-кондитера выступаютъ въ средніе вѣка, первоначально при дворахъ итальянскихъ владѣтелей. Въ настоящее время кондитерское производство, въ видѣ изготовленія разныхъ печеній, конфетъ, кремовъ, мороженаго, шоколада, плодовыхъ винъ и пр., и т. п., получило чрезвычайно широкое развитіе. Въ западной Европѣ (Вѣнѣ, Дрезденѣ и др. городахъ) существуютъ специальныя кондитерскія школы, издаются специальныя руководства и пособія. Несмотря на весьма разнообразныя фальсификаціи и поддѣлки, отъ такихъ сомнительныхъ первобытныхъ лакомствъ, какъ гли-

пяные пирожки, не осталось никаких слѣдовъ въ бытовомъ обиходѣ культурныхъ народовъ.

Обращаясь въ частности къ малорусскимъ ласощамъ, преимущественно въ современномъ проявленіи ихъ среди крестьянъ Ахтырскаго уѣзда, намъ—странное дѣло! придется идти не отъ низшихъ формъ къ высшимъ, какъ слѣдовало бы ожидать по общей прогрессивной исторіи кондитерскаго производства, а, наоборотъ,—отъ высшихъ формъ къ низшимъ, такъ какъ, въ предѣлахъ украинскаго простонароднаго обихода обнаруживается убыль и оскуднѣніе ласощей въ связи съ убылью и оскуднѣніемъ народнаго питанія, вообще, а послѣднее обусловлено убылью и оскуднѣніемъ природныхъ производительныхъ силъ страны и матеріальнымъ обдѣнѣніемъ простаго народа. Покойный профессоръ Н. Я. Аристовъ въ изслѣдованіи своемъ о промышленности древней Руси высказалъ мнѣніе, что «пища русскаго народа въ древнюю пору была болѣе разнообразна, чѣмъ въ послѣдующую... Въ раннее время народъ питался преимущественно мясной пищей, чувствовалъ себя обезпеченнѣе и довольнѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ въ послѣднее время, когда исключительно почти употреблялъ пищу растительную. Еще съ большимъ основаніемъ положеніе это примѣнимо къ малоруссамъ стараго времени (до половины прошлаго вѣка) и малоруссамъ современнымъ, пищевое продовольствіе которыхъ замѣтно уменьшилось и ухудшилось, въ силу разныхъ неблагоприятныхъ экономическихъ условій: малоземелья, уничтоженія лѣсовъ, упадка промысловъ, въ частности,—упадка пчеловодства. Въ высохшихъ рѣченкахъ почти исчезла рыба, въ вырубленныхъ лѣсахъ исчезла дичь, мимоходомъ истреблены фруктовыя деревья; даже куръ во многихъ дворахъ перестали держать съ вздорожаніемъ хлѣба. Старые меды и разнообразные медовыя продукты отошли въ область преданій. При искусственныхъ сахарныхъ цѣнахъ потеря старыхъ медовыхъ лакомствъ получила для народа тяжелое значеніе. Для обезпеченныхъ и богатыхъ классовъ оказываются возможными разныя лакомства; для массы ласощи стали дорогими, и въ этомъ отношеніи произошло крайнее различеніе стремленій и возможности ихъ удовлетворенія. Около ста лѣтъ назадъ малорусскіе города и села славились своими ласощами: Кіевъ смажеными орѣхами, Лубны сладкими короваями, Полтава—«пряжеными пундыками», Ахтырка, Боромля, Новомосковскъ—бубликами, Харьковъ—сластенами и маковниками, но затѣмъ постепенно всѣ эти національныя ласощи стали исчезать, въ городахъ—замѣняемыя фабричными продуктами, въ селахъ—почти безъ всякой замѣны. Въ то время, какъ кулинарное и кондитерское искусства въ верхнихъ классахъ общества достигли болѣе высокаго совершенства, простонародная пища пошла въ оскуднѣніе,

и «всяки разны вытребеньки» вышли изъ обыкновеннаго обихода. Нѣтъ меда, по упадку пчеловодства; нѣтъ молока, по упадку скотоводства; почти нѣтъ куриныхъ яицъ, такъ какъ скудные сельскіе запасы этого рода скупаются барышниками и сбываются ими куда то въ Германію. При такихъ условіяхъ почти ничего не остается для мѣстныхъ ласощей и лагоминокъ.

Если обратиться къ художественной литературѣ, изображающей малорусскій бытъ, то у Квитки и Гоголя можно найти много ласощей, но въ большинствѣ случаевъ въ гиперболической окраскѣ, особенно у Гоголя. Ближе къ дѣйствительности, притомъ къ харьковскому быту стараго времени, стоятъ обрисовки Квитки, его «бублейницы», его базарныя торговки «зъ пырижками, зъ печенымъ мясомъ, зъ вареными хляками, горохвяныками и усякими ласопами, чого тилько душа забажа на сніданья» (Салдацкій патретъ); далѣе разныя «медянычки, родзынки (изюмъ), чорнослывъ, кавьярь (икра) стовбци» (Пархимово сніданне) и др. Мелкая, но интересная черта, что у Квитки неоднократно въ числѣ крестьянскихъ лакомствъ оказывается «кавьярь», т. е. черная осетровая икра, вполсѣдствіи сильно вздорожавшая. Еще въ половинѣ прошлаго столѣтія, накануне проведенія К.-Х.-А. желѣзной дороги, фунтъ икры въ Харьковѣ стоилъ отъ 30 до 40 коп., а ранѣе и того дешевле; продуктъ по дешевымъ цѣнамъ доставлялся чумаками, и не только у крупныхъ, но и у мелкопомѣстныхъ дворянъ икра стояла боченками.

Въ слѣдъ за кавьяромъ вышли изъ обихода маковники и сладены, и мы ихъ уже не находили ни на ярмаркахъ, ни на базарахъ, гдѣ лѣтъ сорокъ назадъ они еще процвѣтали. Маковники приготавливались такимъ образомъ: сначала варили медъ, снимая съ него пѣну, затѣмъ клали въ медъ макъ и снова варили до большой густоты. Сладкую гущу сваливали изъ тазика на столъ, смоченный водой, и, послѣ того, какъ она остывала, рѣзали на тонкіе кусочки; въ маковники иногда вкладывались лѣсные орѣхи. Изготовленіе сладенъ происходило на базарѣ, въ глазахъ покупателя. Г. О. Квитка въ «Салдатскомъ патретѣ» описываетъ его такимъ образомъ: «вотъ и сладенница съ печкой, скажи только сколько нужно сладенъ, и она сниметъ тряпку, прикрывающую горшокъ съ готовленнымъ тѣстомъ, посянеть пальцы, чтобы тѣсто не приставало, ущипнетъ кусочекъ тѣста, та на сковородку его въ олію (конопляное масло) — «ажъ шкворчить! та заразъ и пражетъ и подае, а вже олію не скупытца, бо такъ за пальцивъ и тече»...

Бублики и вареники выходятъ изъ употребленія, особенно вареники, слишкомъ дорогіе для современнаго крестьянина. Бублики встрѣчаются еще повсемѣстно, но большей частью грубые и невкусные. Нѣтъ тѣхъ бубликовъ, о которыхъ съ удовольствіемъ упоминалъ Гоголь, — вспомнимъ

хотя девизъ въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ», которые расхваливалъ Квитка—вспомнимъ, какъ въ «Добре робы» уплетаетъ ихъ судья, получившій бублики въ видѣ взятки. Талантливый поэтъ и энтографъ Манжура помѣстилъ въ одной провинціальной газетѣ цѣлую статью о томъ, какіе вкусные бублики въ Новомосковскѣ пекла недавно баба Хмарыха, и какъ другія бублейницы, послѣ ея смерти, не могли поддержать промысла на высотѣ. И въ Харьковѣ въ старое время были свои знаменитыя бублейницы, напримѣръ, Котчиха подѣ Холодной горой, нажившая на бубликахъ нѣсколько домовъ.

Въ большихъ селахъ (напримѣръ, Боромлѣ), въ лавочкахъ продаются баранки городского фабричнаго издѣлія. Они или развѣшиваются на низкихъ подѣ потолокомъ, покрыты пылью, засижены мухами, или сохраняются въ бочкахъ рядомъ съ рыбой и дегтемъ и получаютъ специфическій запахъ своихъ сосѣдей.

Самымъ устойчивымъ и наиболѣе распространеннымъ крестьянскимъ лакомствомъ оказываются пироги. Безъ пироговъ у крестьянина нѣтъ праздника. Пироги изъ темной домашней пшеничной муки, очень крупныя, въ добрый мужицкій кукакъ, съ начинкой изъ картофеля, гречневой каши, изрѣдка съ мясомъ или сыромъ. Въ зажиточныхъ семьяхъ пироги пекутся каждое воскресенье. На рождественскихъ святкахъ съ пирогомъ въ рукахъ пишутъ кресты на окнахъ и дверяхъ. И теперь мѣстами сохраняется такой рождественскій обычай: Въ домахъ зажиточныхъ хозяевъ, съ большой семьей, на щедрый или богатый вечеръ (31 дек.) хозяйка готовитъ много пироговъ, паляницъ, кнышей. Все печенье она кладетъ на столъ, зажигаетъ лампаду и куритъ ладаномъ. Отецъ семейства становится на покути, т. е. за столомъ въ переднемъ углу, за кучей пироговъ. Дѣти входятъ гурьбой въ хату и вступаютъ съ отцомъ въ такой символическій діалогъ:

Дѣти. Де жъ нашъ батько?

Отецъ. Хиба жъ вы мене не бачыте?

Дѣти. Не бачымо, тату.

Отецъ. Дай же, Боже, щобъ и на той рикъ не побачылы.

Въ этихъ словахъ выражается желаніе, чтобы и въ будущемъ году было такое же изобиліе всего, какъ въ настоящемъ. Характерно тутъ выраженіе наличнаго достатка и скромное довольство существующимъ благополучіемъ, безъ запроса новыхъ благъ. Житейскій опытъ умудрилъ народъ въ томъ смыслѣ, что крестьянинъ входитъ въ оцѣнку текущаго момента и, при благопріятныхъ условіяхъ, стремится фиксировать и закрѣпить его, въ виду неизвѣстнаго и таинственнаго будущаго.

У зажиточныхъ крестьянъ нынѣ въ ходу, такъ называемые, «димчатые коржи», изъ хорошей пшеничной муки, на лѣцахъ, сверху присыпанные сахарнымъ пескомъ, коржи тонкіе, выпуклые и большіе, въ картузь величиной.

Въ районѣ сахарныхъ заводовъ значительное распространеніе получилъ, такъ называемый, «жареный медъ», ничего общаго съ пчелинымъ медомъ не имѣющій. Это черная сахарная патока, очень скадкая, приторная и противная. Черная патока получается, какъ отбросъ сахарныхъ заводовъ. Она сбывается по очень низкой цѣнѣ вслѣдствіе того, что извлеченіе изъ нея сахара (около 50%) обыкновенными способами—сгущеніемъ и выкристаллизованіемъ—представляется невозможнымъ, а химическими способами—неудобнымъ.

Въ нѣкоторыхъ селахъ возникло изготовленіе пряниковъ изъ черной патоки и темной пшеничной муки. На видъ они похожи на медовые пряники. Продаются на ярмаркахъ и базарахъ на возахъ по 2 и 3 коп. за фунтъ.

Размножившіяся въ послѣднее время по селамъ лавченки распространяютъ дешевые фабричные продукты—конфеты, въ которыхъ болѣе крахмалу, чѣмъ сахару, фигурные цвѣтные пряники, крахмальныя, слегка, подсахаренныя, съ красной окраской шишки и т. п. Есть въ небольшомъ запасѣ и сравнительно хорошіе конфеты и пряники харьковскихъ и сумскихъ фабрикъ.

Бѣдные крестьяне несутъ въ лавочки копѣечки, чтобы получить горсть сахарнаго песку или нѣсколько кусочковъ сахару. При достаткѣ они идутъ по пути, проторенному уже высшими классами, дѣлаютъ закупки въ городѣ, варятъ варенье изъ домашнихъ фруктовъ и т. д. Съ улучшеніемъ матеріальнаго быта простого народа села пойдутъ по части ласощей по одному пути съ городами.

ХII.

Сельское врачеваніе.

Сельское врачеваніе распадается на двѣ категоріи—знахарское и научное. Первое идетъ на убыль; второе крѣпнеть и развивается подъ содѣйствіемъ земской медицины.

Подойти къ знахарямъ трудно, нынѣ труднѣе, чѣмъ въ прошлые годы, когда знахари чувствовали за собой болѣе силы и были болѣе смѣлы. Малорусскіе знахари, какъ вѣрное отраженіе народнаго характера, проникнуты недоувѣрчивостью и, какъ люди «себѣ на умѣ», не идутъ на откровенную бесѣду.

Лѣтъ 60 тому назадъ харьковскій писатель и отличный знатокъ мѣстнаго народнаго быта Г. О. Квитка въ альманахѣ Башуцкаго «Наши» (С.-Пб. 1841 г.) помѣстилъ разсказъ «Знахарь» *). «Великое дѣло знахарь!» такъ начинается Квитка свой разсказъ. «Почетнѣе его нѣтъ не только въ томъ селеніи, гдѣ онъ живетъ, но и въ цѣломъ околоткѣ. Что вашъ атаманъ, что вашъ голова! Да чего! самъ панъ-писарь волостной передъ знахаремъ—ничто!» Далѣе въ разсказѣ отмѣчено, какъ знахарь вліяетъ на рѣшенія волостного схода, какъ его всѣ, старые и малые, побаиваются. Не только сельское начальство, всѣ помѣщики уважаютъ его. Возять его для лѣченія больныхъ въ бричкахъ, а случается и въ коляскѣ четвернею. Самъ откупщикъ прійдите, поклонимся къ знахарю. Разумѣется, тутъ не безъ литературныхъ прикрасъ и преувеличеній; но Квитка, судя по всему складу и направленію его литературнаго творчества, не могъ многое выдумать и, по своему обыкновенію, опирался на дѣйствительную бытовую обстановку.

Если мы обратимся отъ квиткинскаго знахаря къ знахарю современному, то увидимъ, что современный знахарь сталъ, сравнительно со своимъ предкомъ, малой величиной. Большинство знахарей, повидимому, специализировалось на лѣченіи отдѣльныхъ болѣзней. Нынѣ есть знахари, къ которымъ обращаются при укушеніи бѣшенными животными, знахари для лѣченія отъ укушенія змѣи, отъ зубной боли и др. Знахаря, по прежнему, остерегаются; иногда знахарь за свои мнимыя или дѣйствительныя заслуги пользуется почетомъ; но такого страха, какой возбуждали знахари въ старое время, какимъ они окружены и нынѣ во многихъ великорусскихъ селахъ, среди малороссовъ незамѣтно. Постепенно село освобождается отъ колдовства и знахарства. Народная школа и военная служба, поднимая умственный уровень населенія, вносятъ начала сомнѣнія и критики и подрываютъ старое традиціонное мистическое міросозерцаніе. У знахарей, кромѣ того, появились непріятные для нихъ сосѣди,—земскій врачъ и фельдшеръ. Земская медицина отобрала видную долю ихъ врачебной практики. Но у народнаго знахарства есть свои исторически накопленные капиталы, съ которыми оно еще долго можетъ прожить; на его сторонѣ народныя привычки, главное—полная доступность и умѣніе приспособляться къ средѣ и, что еще важнѣе, обладаніе въ отдѣльныхъ случаяхъ дѣйствительными врачебными средствами.

«Мы, ученые доктора, писалъ въ 1859 г. одинъ врачъ, принявъ искусство и наблюденія другихъ странъ, не будемъ забывать своего родного... будемъ сблизжаться съ народомъ, выскажемъ ему свою привязан-

*) Разсказъ переизданъ въ IV т. Собр. соч. Квитки 1890 г.

ность; тогда онъ съ откровенною душою откроетъ намъ завѣтныя тайны предковъ, которыми онъ дорожить и хранить ихъ у самаго сердца. Безъ любви же и привязанности онъ ничего намъ не скажетъ и не откроетъ».

Народная медицина, дѣйствительно, открыла кое-что цѣлебное, когда къ ней подошли съ любовью и сумѣли отдѣлить пшеницу отъ плевель. Достаточно отмѣтить здѣсь два важныхъ цѣлебныхъ народныхъ средства отъ водянки живота—настояку изъ горицвету (*adonis vernalis*) и тертые тараканы (*Blatta orientalis*).

Горицветъ растетъ повсемѣстно, преимущественно, на мѣловыхъ горахъ. Крестьянскія дѣвушки употребляютъ желтые цвѣточки горицвета для украшенія головы. Въ научной медицинѣ *Ad. veg.* употребляется, какъ сильное мочегонное средство. Въ простонародномъ обиходѣ горицветъ употребляютъ отъ разныхъ болѣзней, чаще всего отъ брюшной водянки. По словамъ одной бабки, его готовятъ такимъ образомъ: въ поливанный горшокъ кладутъ нѣсколько корешковъ горицвету, наливаютъ водой и варятъ въ печи до тѣхъ поръ, пока пятая часть уварится. Настояку эту пьютъ чашками, какъ чай, по утрамъ и вечерамъ. Черезъ десять дней прибавляютъ нѣсколько новыхъ корешковъ (обыкновенно 4). Зелье сохраняютъ въ холодномъ мѣстѣ не болѣе трехъ дней, чтобы не портилось, и снова варятъ.

Многія травы у крестьянъ пользуются цѣлебной славой, что выражено уже въ громкихъ названіяхъ «золототысячникъ», «дивосыль» и др. т. п.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ахтырскаго уѣзда употребляютъ слѣдующія травы съ лѣчебными цѣлями: настояку изъ звѣробоя (*Hypericum L.*) пьютъ отъ геморроя. Деревей (*Achillea*) повсемѣстно употребляется отъ желудочныхъ болей, чаще всего женщинами. Золототысячникъ, трилистникъ, дивосиль и коровякъ употребляются при боли въ груди, въ видѣ чайнаго навара. Перцовка въ ходу отъ самыхъ разнообразныхъ болѣзней. Водку, настоенную на корешкахъ калгана, женщины пьютъ послѣ родовъ. Шафранъ употребляется женщинами, какъ abortивное средство. Маковыя головки варятъ и наваромъ пьютъ при бессонницѣ. Затѣмъ въ ходу разные «декохты»,—настояка очень темнаго происхожденія. Специальностью одной, недавно умершей бабки, было лѣчить «декохтомъ». Давши солидную дозу этого подозрительнаго пойла, бабка на три дня пряталась, такъ какъ пациенты ея въ первые три дня, по принатіи «декохта», чувствовали себя очень скверно и приходили въ такое возбужденное состояніе, что жизнь бабки была въ опасности.

Употребленіе травъ съ лѣчебными цѣлями у крестьянъ не ограничивается приемомъ внутрь. Есть травы, въ которыхъ купаютъ больныхъ дѣтей. Есть травы, которыми только подкуриваютъ. Есть, наконецъ, та-

кія травы, которыя только держатъ въ хатахъ или въ коровникахъ, въ значеніи амулета отъ дурного сглаза и колдовства; но все это уже клонится къ упадку, забвенію и полному исчезновенію.

Я имѣлъ случай познакомиться лично лишь съ двумя «дидами». Специальностью одного было лѣченіе отъ зубной боли; къ другому обращаются при укусѣ бѣшенными животными. Первый «дидокъ», недавно скончавшійся въ глубокой старости, жилъ въ небольшой хатѣ, всегда чисто убранной, съ множествомъ иконъ въ переднемъ углу. Больной являлся съ «благодарностью». Крестьяне—малороссы въ этомъ отношеніи деликатны, и даже бѣдняки не ищутъ у своихъ «лидовъ» бесплатной помощи. Обыкновенно мужчины приносили булочку и 5 или 10 коп., женщины десятокъ яицъ или пару цыплятъ. Знахарь производилъ свои заговоры три раза, утромъ; вечеромъ и въ слѣдующее затѣмъ утро. Поставивъ пациента рядомъ съ собой передъ образомъ, онъ читалъ молитвы, по временамъ сплевывалъ, дулъ пациенту въ ротъ, обводилъ пальцемъ по деснѣ.

Весьма популяренъ другой знахарь. Онъ пользуется почетной извѣстностью не только въ своемъ селѣ, гдѣ общество приняло на себя уплату всѣхъ его повинностей и выдаетъ ему вознагражденіе, но и по сосѣдству верстъ на 20. Онъ лѣчитъ, какъ животныхъ, такъ и людей отъ водобоязни двумя травами, которыя даетъ въ порошокъ. Людей, покусанныхъ бѣшенными животными, онъ сначала осматриваетъ, при чемъ главнымъ образомъ освѣдомляется о прыщѣ подъ языкомъ, и затѣмъ повтъ отваромъ изъ травъ. Лѣтъ 20 назадъ я былъ свидѣтелемъ, какъ несомнѣнно бѣшенная собака вѣжала въ хату и нанесла крестьянину глубокія раны. Она была убита тутъ же на мѣстѣ пострадавшимъ. Дидокъ лѣчилъ и вылѣчилъ. Вообще, этотъ человѣкъ съ заслугами, и если теперь, при существованіи прививокъ, къ нему обращаются лишь по традиціи, по привычкѣ, то въ недавнее время, до прививокъ, онъ представлялъ полезную величину.

Земская медицина пускаетъ въ народъ глубокіе корни. Населеніе привыкаетъ къ врачамъ, начинаетъ относиться къ нимъ съ довѣріемъ и ищетъ у нихъ помощи. Но еще крѣпко держится архаическая точка зрѣнія на лѣченіе, какъ на своего рода колдовство, та мысль, что врачъ долженъ сразу вылѣчить и данное имъ лѣкарство должно представлять быстро дѣйствующее средство. Систематическаго продолжительнаго лѣченія крестьяне не понимаютъ и не признаютъ; при долгомъ лѣченіи, они плохо выполняютъ совѣты врача.

Въ числѣ новыхъ симпатичныхъ и полезныхъ земскихъ мѣропріятій по части «благосостоянія», пужно отмѣтить первые въ текущемъ году

опыты учрежденія сельскихъ яслей въ нѣкоторыхъ наиболѣе населенныхъ пунктахъ.

Среди крестьянъ часто свирѣвствуютъ болѣзни; особенно тяжело приходится женщинамъ и дѣтямъ. По глубокому невѣжеству, крестьяне не берегутъ ни своего здоровья, ни здоровья своихъ ближнихъ, напр., спятъ на сырой землѣ, на низкихъ мѣстахъ, пьютъ первую попавшуюся подъ руки воду, не сознаютъ опасности инфекцій. Оттого болѣетъ и гибнетъ масса народа. Старики и старухи держатся крѣпче; они осторожны, опасливы предусмотрительны. Но люди цвѣтущаго здоровья легко сходятъ въ могилу, — одинъ поднялъ тяжесть не по силамъ, другая вскорѣ послѣ родовъ зимой пошла на рѣку стирать бѣлье, тамъ подвела ночевка на буракахъ въ холодную осеннюю ночь; крестьянинъ, вообще, часто попадаетъ въ тяжелую для здоровья обстановку, даже лѣтомъ промокаетъ, дрогнетъ, въ полѣ, въ лѣсу, на дождѣ, на холодномъ вѣтру, за сохой, на попасѣ. Дѣтямъ грозитъ въ деревнѣ много смертныхъ опасностей, отъ кислой соски, инфекцій и пр.

Года два назадъ въ одномъ большомъ селѣ лѣтомъ была сильная эпидемія кори. Болѣзнь неопасная, особенно въ жаркое время, но требуетъ ухода и заботливости. Крестьяне любятъ своихъ дѣтей и, за рѣдкими исключеніями, подчиняются совѣтамъ, стараются ихъ выполнять, и если во время этой коревой эпидеміи было много тяжелыхъ осложненій и смертныхъ случаевъ, то главнымъ образомъ, отъ невѣжества и дурно направленаго усердія. Старухи бабы, на попеченіи которыхъ были больныя дѣти, поили ихъ холодной водой (дать больному «холодной водычки» — народная форма ласки и услуги), и дѣти умирали отъ воспаленія легкихъ. Родители брали больныхъ дѣтей съ собой на жнива, везли ихъ по солнцу, и у нихъ развивалась болѣзнь глазъ. Если бы съ разныхъ сторонъ, не отъ одного врача — одинъ въ полѣ не воинъ, — а отъ многихъ лицъ, путемъ разъясненій и объявленій, было оповѣщено, что нужно оберегать коревыхъ дѣтей отъ холодной воды и яркаго свѣта, масса зла была бы устранена или смягчена. Такіе элементарные совѣты быстро были бы восприняты и легли бы въ основу народной гигиены. Посредствомъ накопленія такихъ элементарныхъ свѣдѣній и привычекъ шло бы гигиеническое воспитаніе народа, медленное, но послѣдовательное и фундаментальное улучшеніе его горемычной санитарной обстановки.

Земскіе врачи окружены со всѣхъ сторонъ народомъ невѣжественнымъ и суевѣрнымъ, обременены разъѣздами и письменными отчетностями. При возможномъ облегченіи ихъ труда, сбереженный запасъ силъ и энергіи можно направить въ другую сторону, напр., на организацію въ населенныхъ пунктахъ курсовъ по гигиенѣ, на подготовку низшихъ

служителей, сестер милосердія, сидѣлокъ, на распространеніе въ народной массѣ элементарныхъ свѣдѣній объ уходѣ за больными и объ оказаніи первой помощи въ экстренныхъ случаяхъ до прибытія врача. Такого рода знанія въ селѣ крайне необходимы, хотя бы малыя и разбросанныя знанія; въ такіе просвѣты прорвутся лучи сравнительно большаго знанія и начнутъ разгонять тотъ глубокій мракъ, который густой пеленой покрываетъ народный бытъ, и отъ котораго страдаютъ не одни крестьяне, но и всѣ соприкасающіеся съ ними общественные элементы.

Народная темнота чревата всевозможными опасностями. Помню, какъ я бесѣдовалъ съ крестьянами въ холерный годъ о томъ, что нужно заботиться о чистой водѣ, что холерныя заболѣванія развиваются тамъ гдѣ загрязнена вода микробами, при чемъ о самихъ микробахъ говорилось какъ можно осторожно, яспѣе и понятнѣе. Въ глаза крестьяне для вѣжливости со всѣмъ соглашались, поддакивали, кивали головами, но за глаза они, большей частью, признавали все сказанное панскими выгадками, и, понятно, что имъ очень странно было слышать о возможности вреда отъ воды той самой криницы, изъ которой пили ихъ отцы и дѣды, и въ особенности страннымъ, даже смѣшнымъ, съ крестьянской точки зрѣнія, представлялся совѣтъ пить перевареную воду; у солиднаго, взрослога крестьянина, при одномъ словѣ переваренная вода пробѣгала на лицѣ легкая улыбка, которую онъ спѣшилъ скрыть, чтобы не обидѣть пана. Переходя изъ устъ въ уста, разговоры о перевариваніи воды, при наилучшихъ намѣреніяхъ, въ глубоко-невѣжественной средѣ начинаютъ осложняться нелѣпой и опасной догадкой, что вода не просто стала испорченной, что ее кто то испортилъ, и тутъ всплываютъ разныя соображенія, кто могъ испортить воду, возникаютъ дикія и опасныя предположенія.

Картина измѣняется, когда въ селѣ оказывается нѣкоторое число умственно подготовленныхъ людей, изъ торговцевъ, отставныхъ солдатъ, отдѣльныхъ грамотеевъ. Стоитъ двумъ-тремъ лицамъ войти въ курсъ дѣла и примѣнить совѣты на дѣлѣ, какъ начинаетъ работать могучая сила примѣра и подражанія. Невѣжество страшно и опасно, когда оно сплошное и поголовное, но стоитъ только его нѣсколько разрѣдить, какъ новизна валомъ повалить. Пусть въ этомъ стремленіи къ новизнѣ неизбежно всплывутъ недочеты, преувеличенія и промахи; но жизнь, тронувшись разъ съ мертвой точки застоя и апатіи, начинаетъ пробиваться въ разныхъ мѣстахъ и въ разнообразныхъ формахъ.

Значеніе земскихъ врачей возросло бы, если бы повсемѣстно дѣятельность ихъ была направлена, главнымъ образомъ, въ сторону крестьянскихъ нуждъ и потребностей, при широкой гласности, если бы были напр., установлены мѣстныя совѣщанія въ главныхъ населенныхъ пунк-

тахъ въ извѣстные сроки, съ приглашеніемъ мѣстной интеллигенціи, сельскихъ властей и наиболѣ видныхъ и вліятельныхъ крестьянъ. Такого рода совѣщанія особенную пользу могли бы принести въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ обнаруживаются эпидемическія заболѣванія или когда среди самого мѣстнаго населенія обнаруживаются попытки къ лучшему устройенію своего быта, когда, слѣдовательно, есть возможность поддержать слабые ростки добра, закрѣпить ихъ, направить и оформить.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Этнографическая экскурсія по Ахтырскому и отчасти по Лебединскому уѣздамъ была сдѣлана мной въ іюль въ августѣ 1901 г., по порученію предварительнаго комитета XII археологическаго съѣзда. Ѣздилъ я по открытому листу отъ г. Харьковскаго Губернатора. На расходы по поѣздкѣ и на приобрѣтеніе вещей мнѣ было выдано комитетомъ четыреста рублей. Въ поѣздкѣ меня сопровождали мѣстный земскій врачъ К. И. Шимановъ, хорошо знакомый съ краемъ, и студ. С. Н. Сумцовъ, снимавшій фотографіи. Я проѣхалъ вдоль Ахтырскаго уѣзда съ сѣвера на югъ, отъ Боромли до Млинковъ и часть Лебединскаго уѣзда (Михайловка и Межиричъ). При покупкѣ предметовъ мнѣ оказали содѣйствіе К. И. Шимановъ, А. Д. Твердохлѣбовъ, С. Н. Грищенко, священ. Д. Поповъ и въ особенности В. С. Долженкова, которымъ и приношу при семъ искреннюю благодарность. О купленныхъ вещахъ, съ обозначеніемъ ихъ стоимости, представленъ въ комитетъ отдѣльный отчетъ. Предметы эти нынѣ отмѣчены въ каталогѣ; но на этнографической выставкѣ они сливаются съ другими экспонатами.

Были куплены и доставлены:

1) Для хаты, мебели и посуды: рисунки рѣзьбы на окнахъ, сволокѣ и проч., лампадка, оконная рама, матка, три скрыни, коробки, тарелки, баклагъ, глечики, ложки, замки.

2) Головные уборы (около 30 очипковъ, большей частью парчевыхъ) и нѣсколько паръ сапьянцевъ и чернобривцевъ разныхъ цвѣтовъ.

3) Верхняя одежда для 5 мужескихъ манекеновъ и 15 женскихъ, большей частью въ полномъ подборѣ.

4) Коллекція гончарныхъ издѣлій изъ Котельвы и Боромли.

5) Образчики выбоечнаго мастерства и инструменты выбойщика изъ Лебедина.

6) Пять рушниковъ, простыхъ и килковыхъ, какъ образцы.

7) Нѣсколько предметовъ свадебнаго ритуала—скатерть, коровай, шишка, цвѣтки, подсвѣчникъ—львы.

8) Фотографіи (хаты, волостной сходъ и др.).

Въ заключеніе считаю пріятнымъ долгомъ выразить благодарность предварительному комитету, что онъ, привлекая меня къ этнографической экскурсіи, побудилъ меня къ болѣе близкому знакомству съ народной средой и къ непосредственному общенію съ населеніемъ живописнаго края, населеніемъ, сохраняющимъ еще многія хорошія національныя черты.
